

Сверхновая фантастика
КОНСТАНТИНА ОБРАЗЦОВА

ЕДИНАЯ
ТЕОРИЯ
ВСЕГО

КОНСТАНТИН ОБРАЗЦОВ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-23

В оформлении книги использована
фотография *Марии Цветковой*
В оформлении обложки и форзаца использованы
иллюстрации художника *Ф. Барбышева*

Образцов, Константин Александрович.
О-23 Единая теория всего / Константин Образцов. — Москва : Эксмо, 2022. — 640 с.: ил. — (Сверхновая фантастика Константина Образцова).

ISBN 978-5-04-102947-0

Автор бестселлера «Красные Цепи» предпринимает исследование тайн мироздания. Великолепный многоплановый роман о человеческом выборе, влияющем на судьбы Земли: то, что начинается как детектив, превращается в научную фантастику, которая достигает степени религиозного мистицизма.

Трагическая смерть одного из авторитетных представителей преступного мира поначалу кажется самоубийством, а жуткие обстоятельства его гибели объясняются приступом внезапного сумасшествия. Но чем дальше продвигается расследование, тем больше всплывает странностей, парадоксальных загадок и невероятных событий, а повествование постепенно охватывает пространство и время от Большого взрыва до современности...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102947-0

© Образцов К.А., 2019
© Попов А.В., иллюстрации, 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Памяти мамы

ИНТРО

22.50–00.01

Как и многие лучшие из историй, эта произошла в поезде.

Ныне путешествие из Петербурга в Москву занимает едва ли больше времени, чем поездка на автомобиле в плохой день через пробки из конца в конец столицы. Можно выехать рано утром, провести пару встреч и успеть вернуться обратно еще до того, как сменится дата на календаре. Сжимается пространство, сокращается время, и дорога превратилась в простое перемещение из пункта отправления к месту прибытия, досадную паузу в несколько часов, которые нужно кое-как провести; романтическое очарование долгого пути ушло в прошлое вместе с трогательной искренностью написанных от руки открыток и теплом отпечатанных с пленки фотокарточек в семейном альбоме.

В Москву я еду экспрессом: утром сел в центре города и еще до полудня вышел на площади трех вокзалов свежий, бодрый и готовый к новому дню. Но обратно стараюсь взять билет на классический ночной поезд ради ощущения возвращения домой, пусть и короткого, а все-таки путешествия, дороги, которая, как и ночь, может менять человека: сели в поезд одни люди, а вышли немного иными; уснули — а перевалив через полночь, проснулись и не вспомнили себя прежних.

Разумеется, от настоящего путешествия ждешь увлекательных дорожных историй и необыкновенных попутчиков, но с этим дела обстоят туго. Гадательное ожидание соседа по купе давно потеряло интригу: ни красавиц с драматичной судьбой, бегущих от злого рока, ни гениев не от мира сего, ни кругосветных скитальцев. Как правило, им оказывается ровесник

и социальный одноклассник: пристойный костюм, чуть лишнего веса, немного зальсин, часы, которые смотрятся дороже, чем стоят. «Здравствуйте! — Добрый вечер!» Иногда доходит даже до нескольких реплик: «Чем занимаетесь? — Я коммерческий директор компании Икс Плюс. — А я директор по продажам корпорации Игрек Минус. — Знакомое что-то, это стройматериалы? — Нет, упаковка». Вот и весь разговор. Оруженосцы большого бизнеса не расположены к разговорам, нам и на работе трепач хватает.

Сегодняшний мой попутчик тоже особого впечатления не произвел, хотя и был по-своему колоритен. Среднего роста, но кажется выше из-за по-военному прямой осанки; явно перешагнул порог седьмого десятка лет, хотя выглядит поджарым, подтянутым, и более подходит под определение «мужчина среднего возраста», нежели «пожилой». Нос с боксерской горбинкой, пепельные волосы коротко подстрижены. Светло-серый пиджак по случаю августовской душной жары аккуратно перекинут через руку; темная рубашка, серебристый галстук, черные брюки с отворотами снизу и такими острыми стрелками, что ими можно было бы бриться, глядясь при этом в отполированные до зеркального блеска ботинки — в общем, типичный отставник, решивший принарядиться по случаю выхода в общество. Обычно этот образ дополняется чехлом для мобильного телефона на поясе — и точно, вот он, закреплен на брючном ремне, и можно не сомневаться, что там не какой-нибудь, извините, смартфон с легкомысленными мессенджерами и социальными сетями, а строгий стальной аппарат с бескомпромиссными кнопками. Армия или полиция? Усов не было, поэтому я решил, что мой спутник — бывший полицейский, точнее, милиционер, судя по возрасту.

— Добрый вечер, — сдержанно поздоровался он, поставил на полку небольшой саквояж, сел, прямой как доска, подтянул брюки, положил ногу на ногу и стал смотреть в окно.

— Здравствуйте, — отозвался я, вздохнул и, за неимением иных дел, тоже уставился за окно, где среди золотых и голубоватых огней мелькали в кривом зеркале сумерек причудливо искаженные тени припозднившихся пассажиров.

Из коридора неслись голоса, звук шагов, приглушенный ковровой дорожкой; быстро прошла мимо проводница в форме, стилизованной под начало прошлого века, торопливо бросила взгляд в открытую дверь и поспешила дальше. Наконец поезд дрогнул, внушительно громыхнул сочленениями вагонов и с солидной медлительностью, приличествующей фирменному составу с историей, двинулся в путь.

— Ну вот, поехали, — сказал мой попутчик.

Я промышчал что-то в ответ. Никогда не знал, как отвечать на такие реплики.

За окном в темноте неспешно проплыли ветшающие корпуса привокзальной периферии: осыпающаяся кладка красного кирпича, мутные окна под насупленными покосившимися козырьками, какие-то чумазные трубы, забытые на ржавеющих рельсах пустые вагоны, тускло блестящие в лучах фонарей, решетчатые стальные фермы, выцветшие вывески, чахлые и озлобленные на мир корявые деревца, наперекор всему пролезшие через сор, камень, железо, а иногда и сквозь старые крыши. Яркий бело-голубой луч заглянул на секунду в окно, резкие черные тени скользнули по стенам, изогнулись и снова пропали. Поезд осторожно пробрался через это сумрачное технократическое гетто, потом вздохнул с облегчением, загудел и вырвался на простор, набирая ход среди утыканных садовыми домиками широких низин, оврагов, узких речек и перелесков. Колеса застучали уверенно и ритмично, и, как всегда в такие минуты, мне показалось, что и все в поезде выдохнули спокойно, словно пассажиры самолета, закончившего подъем и вставшего на крыло — даже мой сосед чуть расслабился и откинулся на спинку сиденья.

Каждое значимое дело требует ритуала, и для возвращения домой у меня, конечно, есть свой собственный. Я дисциплинированно дождался, когда за окном появятся унизанные огнями высотки Зеленограда, достал из дорожной сумки книжку, встал и сказал:

— Я — в вагон-ресторан, вернусь несколько поздно. Можно попросить вас не запира́ть дверь?

Мой попутчик оторвался от созерцания видов, повернулся, посмотрел на меня, будто припоминая, кто я такой, и ответил:

— Да. Не беспокойтесь. Непременно.

Я кивнул и вышел.

Собственно, этим мой ритуал обратной дороги исчерпывается: пойти в ресторан и сидеть там, читая, глядя в окно, размышляя, пока не свалит усталость и не начнут сниться сны наяву. Не бог весть что, так, маленькие удовольствия, время наедине с собой, с хорошей книгой и одной-пятью порциями виски. Невинные радости всегда тихи, в отличие от порока, который любит зрителей и демонстративность.

Ресторан был почти пуст. Справа расположилась небольшая компания явных командированных: двое мужчин средних лет в немного помятых после долгого дня костюмах, ослабленных галстуках и с легкой осовелостью взгляда и немолодая женщина с усталым лицом, черты которого удерживались опорами яркого макияжа, и повидавшим жизнь декольте, в котором уютно свернулись бусы из фальшивого жемчуга. В дальнем конце вагона сидел строгий мужчина в черном, аккуратно оперируя ножом и вилкой котлету, испускающую последнее издыхание пара, а у входа устроился некто стильный, в летнем пальто и кашне, созерцающий капли влаги, скатывающиеся по бутылке белого вина в ведерке со льдом.

Я сел за стол; белая скатерть, искусственный букетик для настроения, потертый зеленый бархат сидений. Подошла официантка, хорошенькая ровно настолько, чтобы казаться милой в ситуации ресторана ночного поезда: блондинка с широким лицом, пухлыми губами и большими печальными глазами, из тех добрых и грустных блондинок, что вечно страдают от своей доброты и доверчивости; на ногтях самодельный «френч», исполненный при помощи канцелярской замазки. Я улыбнулся ей и бросил взгляд на табличку с именем, прицепленную к лацкану форменного пиджака.

— Наташа, мне, пожалуйста, двойной односолодовый виски, холодную воду без газа и еще яблоко нарежьте, хорошо?

Жизнь налаживалась и обещала стать еще лучше — по крайней мере на этот вечер. Стук колес превратился в ритмичный рокот, поезд летел сквозь мрак, словно межзвездный корабль, за окном в дальней тьме появлялись и исчезали россыпи огоньков дальних сел как скопления таинственных звезд

и планет с неведомой жизнью, мелькали стремительными кометами редкие фонари, потом темно-синюю плоскость неба заштриховали зазубренные черные верхушки елей, а затем темнота сделалась абсолютной, как если бы поезд провалился в межгалактический void¹, и антрацитовая чернота прижалась к стеклу, в котором смутно отражались букетик и скатерть, стакан с виски, компания за соседним столом — призрачная параллельная реальность, открывшаяся в запредельных глубинах Вселенной.

Смотреть стало не на что. Я сделал глоток виски и запил холодной водой, окутав дымное торфяное пламя чистейшим родниковым льдом. Через проход доносились обрывки беседы.

— Я прекрасно понимаю, чего они добиваются: убедить Старика, чтобы он дал отбой всему проекту... да, результаты пока не плановые, но они есть... если бы он сам не разрешал вмешиваться на каждом этапе... — бубнил один из мужчин.

— Ну, сказать, что тебе не помогают, тоже нельзя, — возразила женщина. У нее был приятный, низкий грудной голос. — Сам Старик, кстати, и помогает, он в этом случае объективен.

Слушать про перипетии корпоративных сражений было неинтересно. Я еще раз с удовольствием сделал глоток и открыл книгу. Впереди была чудесная и в самом лучшем смысле этого слова спокойная ночь.

— Где у вас можно присесть?

Голос показался знакомым — и точно: мой попутчик стоял у входа в вагон, а официантка Наташа обводила широким жестом пространство, как бы очерчивая богатство вариантов посадки. Виски уже успел затормозить мои реакции, я дернулся было, чтобы снова спрятать глаза в книгу, но не успел — мы встретились взглядами, и он тут же сказал:

— А, вот! — и двинулся в мою сторону. — Не возражаете?

Я не возражал. Проклятая петербургская деликатность: нет чтобы сказать прямо: «Извините, я планировал провести

¹ В о й д — космическая пустота, пространство между галактическими нитями, в котором полностью отсутствуют галактики и звездные скопления.

этот вечер в одиночестве», ну или хотя бы: «Тут занято». Надо обязательно не возражать, а потом сидеть с надменно-кислой физиономией, как будто кто-то впереди тебя пролез в очередь. Впрочем, не исключено, что и мой сосед руководствовался схожими побуждениями, заставляющими непременно составить компанию человеку, которого увидел впервые в жизни полчаса назад и с которым едва перекинулся несколькими фразами, словно пройти мимо будет невежливо.

Оставалась надежда, что попутчик окажется молчуном. Я снова прикрылся книгой, безуспешно пытаюсь сосредоточиться на чтении. Официантка Наташа тем временем принесла меню. Мой визави извлек из кармана пиджака очки в тонкой золоченой оправе, надел на нос, отодвинул подальше меню, как часто делают дальновзоркие люди, и принялся изучать.

— Вот что, — изрек он через минуту, — мне, пожалуйста, фирменную солянку, селедочку на ржаном хлебе с теплой картошечкой, соленые грузди и водку, грамм сто, в замороженной рюмке.

Рот мгновенно наполнился слюной и даже сердце заныло. Колебания были недолгими.

— Наташа, и мне можно то же самое? А яблоко резать не нужно.

— Конечно. — Она быстро сделала пометку в блокнотике, наверное, умножила на два. — Водочку в один графинчик налить?

Мы переглянулись.

— Да, можно в один.

После этого прятаться за книжкой было уже глупо.

Мы выпили по первой за знакомство под восхитительно пламенеющую солянку с томящимся в ней ломтиком свежего пронзительного лимона.

— Адамов, — старомодно представился он. — Виктор Геннадьевич.

Я тоже назвал себя.

— Какое имя редкое, — заметил мой новый знакомый. — Можно сказать, литературное.

Вторая вскоре отправилась вслед за первой в сопровожде-

нии нежнейшей селедочки на пропитанном маслом ломтике поджаренного ржаного хлеба. Сразу захотелось курить. Наступало время для разговоров.

— Вы из Москвы или из Ленинграда? — поинтересовался Виктор Геннадьевич.

— Я — да. — Ответ вышел каким-то неловким, наверное, из-за путаницы в топонимике. — Домой еду.

— Я тоже ленинградец, — сообщил Адамов. — Чем занимаетесь, если не секрет?

— Консультант. — Я всегда так отвечаю, когда не хочу распространяться о своих занятиях.

— Вот как. — Он задумался. — Я, наверное, тоже теперь консультант. Вообще-то я в отставке, но вот, привлекают иногда...

— А где служили?

— В милиции, потом в полиции. Подполковник уголовного розыска.

Я про себя улыбнулся точности своей догадки.

— У меня товарищ преподает в Университете МВД, — продолжал он, — тоже отставник, служили вместе когда-то в Ленинграде. Он потом в Москву переехал, теперь вот на пенсии, лекции читает для молодежи. Ну и меня просит иногда семинар провести или практикум. Сегодня как раз обсуждали с ним планы на следующий год.

Мрак за окном неожиданно расступился. Пространство за окнами раскрылось широким простором до самого горизонта, и горсть огней далекой деревни тускло сияла посередине черного необъятного поля россыпью драгоценного янтаря. Над огнями висели широкие пелены тумана, слоями один над другим, до самого подернутого дымкой неба, где в тонкой прорези невидимых облаков сияла призрачная луна. Сияние это подсвечивало туманные пологи неземным и холодным, будто поднебесный театральный софит освещал драпировки сцены шириной в целый мир, и зрелище было таким торжественным и чудным, что перехватило дыхание. Вокруг стало особенно тихо: ни разговоров за соседним столом, ни звона приборов, ни звука из кухни на другом конце ресторана, только полусонный глухой стук колес и поскрипывание вагона.

— Дым, — произнес Адамов.

Я с трудом отвел взгляд от окна.

— Что?

— Я говорю — дым от торфяников. Запах чувствуете?

Действительно, в воздухе чуть слышно ощущался легкий дымный аромат.

— Честно говоря, я думал, это титан топят, — признался я.

— Помилуйте! — воскликнул Адамов. — Это у вас какие-то совсем уж давние воспоминания, никто сейчас колобашками печку не топит и огнем воду не греет. Нет, это торфяники. Лето жаркое было, вот они и горят. Такое и в Ленинграде тоже случилось.

— Да, припоминаю. — Я действительно вспомнил. — В 2000-м было.

Он кивнул.

— И еще раньше. В 1984-м были самые сильные торфяные пожары, дым стоял больше месяца.

Сказал — и взглянул на меня каким-то странно оценивающим взглядом, словно проверял что-то. Если это была проверка памяти, то она явно кого-то из нас подводила.

— Не помню, — честно признался я. — Чтобы целый месяц, сильный дым... Не припоминаю. Вы уверены?

Адамов прищурился и чуть усмехнулся.

— А вам, простите, в 1984-м сколько лет было?

— Двенадцать, — ответил я с некоторым вызовом. — А что?

— Совсем еще юноша, — снисходительно сказал он. — А тогда и вовсе были ребенком. Другие интересы, совсем иные объекты внимания. Дым-то был, а вы его не заметили.

И снова у меня возникло странное чувство, что он то ли испытывает, то ли поддразнивает меня — так порой делают взрослые, запутывающие ребенка головоломкой, на которую знают ответ.

— Ну уж нет. — Я уперся. — У меня прекрасная память. Я помню себя и в шесть лет, и в пять, и еще раньше. Помню старую квартиру и девочку во дворе, которая мне очень нравилась; помню «Пещеру ужасов» в луна-парке, куда ходили с родителями; помню, как в десять лет написал фантастический роман — четыре школьные тетрадки в линейку! — и главную злодейку там звали Ифа Стелла...

— А вы уверены, что это именно воспоминания?
Он откинулся на спинку сиденья и, прищурившись, смотрел на меня. Мне следовало удивиться, и я удивился.

— Что вы имеете в виду?

— Девочка во дворе. Есть ее фотографии?

Я покачал головой.

— Нет.

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Ну... в шесть лет, перед тем как мы с родителями переехали.

— Кто-то еще из ваших родственников или знакомых помнит ее?

— Вряд ли. Не уверен. Нет.

— Тогда откуда вы знаете, что она вообще существовала?
Продолжим. Этот роман, написанный в десять лет, сохранился?

— Увы.

— Кому-нибудь давали прочесть?

— Нет, никому.

— Значит, и в его существовании тоже можно усомниться.

Я молчал. Адамов подержал немного паузу и продолжил:

— Я довольно много читаю в последние годы, преимущественно научную литературу — в меру своих возможностей понимания, конечно. И про парадокс памяти тоже прочел немало. Субъективная память почти такая же абстракция, как и вера. Есть что-то, что помним только мы: не сохранилось записей, нет и не было фотографий, люди потерялись где-то среди годов жизни или вовсе ушли из нее. Остается только наша уверенность в том, что эти воспоминания соответствуют некой действительности прошлого времени, что события происходили, знакомые существовали, но никаких оснований для этой уверенности нет. Что мы имеем в виду, когда говорим: я помню? Во что превращается воспоминание через десятки лет? И воспоминание это, или лишь сон, зацепившийся за сознание, или вовсе — история, которую мы придумали себе когда-то и за долгие годы поверили в ее реальность?

Из мрака с внезапным ревом вырвался встречный состав, взвыл гудком, сверкнул стремительно пролетевшей мимо

лентой освещенных окон и через секунду пропал в темноте. Я вздрогнул, будто проснувшись.

— Предположим. Но все-таки дым от торфяного пожара — явление более заметное и осязаемое, чем детские воспоминания. В конце концов, это точно можно проверить: остались же какие-то сводки, упоминания, свидетельства, наконец.

Адамов кивнул.

— Может, так. А может, и нет. Иногда может оказаться, что того, о чем твердо помнишь, событий, в которых участвовали десятки человек, а косвенно — сотни и тысячи, вдруг как и не было вовсе. И ты единственный — или почти единственный, — кто все помнит. Да и то не уверен. Слышали что-нибудь про двойные воспоминания?

— Да, читал у Эйсмарха и Лепешинского. Только у Эйсмарха это философская категория, а у Лепешинского, извините, симптом из патологической психологии. Но чтобы такое явление касалось масштабных событий... Может быть, приведете пример?

Он задумался.

— Историй хотите? Извольте. Но сначала...

Адамов потянулся к графину, разлил остатки по рюмкам, строго взглянул на широкое горлышко, с которого капнула последняя капля и неожиданно зычно воззвал:

— Наташа! Наташа!

Тоже заметил имя на карточке.

Наташа примчалась, как дуновение ветра, поправляя волосы и почему-то виновато улыбаясь.

— Наташенька, принесите нам, пожалуйста, еще, наверное, по двести?

— По двести, — согласился я.

Мы выпили за воспоминания. Наташа мигом вернулась с пузатым графинчиком и новыми рюмками, покрытыми липким инеем. У нас оставались еще грузди, немного оплывшей на хлебе селедки, несколько часов ночи, дорога и пока не рассказанная история.

— Я тогда был капитаном милиции, старшим оперуполномоченным Управления уголовного розыска ГУВД Ленинграда, служил в 3-м отделе, который занимается корыстными пре-

ступлениями — кражи, разбои, грабежи... — Он вдруг осекся и внезапно спросил: — Какое сегодня число?

Я посмотрел на часы.

— Без пяти минут тринадцатое августа.

Адамов покачал головой.

— Надо же, какое совпадение. То, о чем я хочу рассказать, началось как раз тринадцатого числа, в августе 1984-го. Хотя порой бывает сложно определить, где начало истории — то ключевое событие, которое послужило причиной прочих, стало первым звеном в цепи. Если раздумывать и копать, можно и до Большого взрыва дойти, а то и раньше. Так что пусть будет тринадцатое — во всяком случае тогда все началось для меня.

**ЕДИНАЯ
ТЕОРИЯ
ВСЕГО**

ЧАСТЬ 1

ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

Мы хотим знать, нет ли в окружающем мире
какого-то смысла, цели, значимости.
Нам нужна волшебная история жизни,
и мы рассказываем себе истории.

Нозом Яновский

ГЛАВА 1

КОМНАТА ШРЕДИНГЕРА

Ныне всякую историю принято начинать с убийства. Это давно уже не способ заинтриговать слушателя и читателя, а просто форма повествовательной вежливости, как поздороваться при встрече: здравствуйте, вот вам труп. Спасибо, проходите. Не укокошить кого-то в начале рассказа стало моветоном; скоро уже сентиментальные любовные романы и семейные саги будут начинаться с неперемного душегубства.

Так что — здравствуйте, вот, пожалуйста, труп: лежит, легко раскинувшись, на асфальте в тихом дворике под окнами «академического» дома на Кировском¹ проспекте. Китайчатый яркий халат разметался опавшими крыльями, руки раскинуты неуверенным объятием навстречу брезжащей в туманном небе заре, лицо обращено вверх, и человек поэтический мог бы сказать, что глаза были устремлены в небеса, словно провожали взглядом отлетевшую душу. Но, во-первых, все, кто был там тем утром, поэзии предпочитали суровую прозу жизни, а во-вторых, вместо глаз на лице мертвеца зияли черно-багровые, наполненные засохшей кровавой слизью дыры, и если уж кому-то пришлось бы в голову, стоя над телом Бори Рубинчика, поговорить о душе, то похоже было, что она в ужасе вырва-

¹ К и р о в с к и й — ныне Каменноостровский проспект в Санкт-Петербурге.

лась через глаза подальше от тела, как и сам Боря, высадив собой двойные рамы и стекла, вылетел из окна своей квартиры на четвертом этаже, будто каменное ядро из катапульты. Разлетевшиеся осколки усеивали асфальт и поблескивали в окруженных вздутыми кровоподтеками глубоких порезах на лице и руках. Судя по всему, при падении Боря воткнулся в асфальт самой макушкой, потому что вместо верхней части головы было какое-то неровное месиво из загустевшей крови и волос, а деформировавшиеся при ударе кости черепа сдвинулись так, что на лице выперли скулы и челюсти сжались в бульдожем прикусе. Только выдающийся нос остался невредим и по-прежнему торчал на лице, как клюв печального попугая.

Кроме распахнутого халата, на трупе были только большие сатиновые трусы с пальмами и веселыми обезьянами. Нежно-белый рыхлый живот, похожий на тельце лишившегося раковины моллюска, и безволосая грудь иссечены порезами и множеством неглубоких колотых ран, нанесенных, возможно, тем же предметом, которым были выколоты глаза — длинным кухонным ножом с потемневшим от крови лезвием, что недалеко отлетел от правой руки мертвеца.

— Жалко Борю, — сказал Костя Золотухин. — Ангелом он, конечно, не был, но все же...

Ангелом Рубинчик действительно не был, если только не предположить, что ангелы занимаются спекуляцией, фарцовкой, подпольным производством поддельных дубленок, джинсов и шапок, играют в карты на деньги и водят домой проституток из гостиницы «Советская». Я отвел взгляд от тела и посмотрел на небо. Сквозь туманную пелену начал уже проступать сизый утренний свет. Дым, рассеявшийся немного за ночь, возвращался, наплывал из-за крыш, и в воздухе снова запахло далеким пожаром. Наступало раннее утро понедельника, тринадцатого августа 1984 года.

За два дня до этого, в субботу, «Зенит», уверенно прокладывая дорогу к первому в своей истории чемпионству, разгромил «Пахтакор». В тот же день сороковой президент США Рональд Рейган в радиообращении к американскому народу зажигательно пошутил, сообщив, что объявил Россию вне закона на веки вечные и что ядерная бомбардировка нач-

нется через пять минут. Шутка вполне в духе времени, когда Часы Судного дня показывали без трех минут полночь, и от этой хохмы стрелки их точно дрогнули, продвинувшись на несколько секунд вперед.

Вражеские голоса, вещавшие, как и полагается врагам, по ночам и с закатной стороны, сквозь шум широкополосных помех на очень правильном русском сообщали о гибели в Першваларском ущелье каравана с конвоем из советских военнослужащих, не скупясь на добавлявшие жути подробности о том, что с пленных солдат афганские моджахеды живьем содрали кожу и потом обезглавили. Наши родные голоса по этому поводу хранили молчание, из-за чего в кошмарные новеллы «Голоса Америки» верилось безоговорочно, и ограничивались туманными реляциями об успехах в помощи братскому народу Афганистана, предпочитая уделять внимание грядущему официальному открытию игр «Дружба-84», спешно организованных в пик Олимпиаде в Лос-Анджелесе. Ее мы тогда бойкотировали, проводя тонкие параллели с Олимпиадой 1936-го в фашистской Германии. В играх «Дружбы» принимали участие спортсмены социалистических стран; отмечались успехи атлетов из Монголии, Кореи и Эфиопии.

Когда я вспоминаю обо всем этом, мне порой кажется, что у человечества патологически укорачивается историческая память, как у рыбки, что плавает кругами в аквариуме, каждые три минуты оказываясь в незнакомом для себя месте.

Месяца не прошло, как Светлана Савицкая стала первой в мире женщиной, вышедшей в открытый космос.

Что же до меня лично, то я этим утром должен был быть далеко от Ленинграда, на лазурном берегу Черного моря, пить холодное вино и загорать на пляже в компании своей невесты Тонечки. Наша свадьба была назначена на ноябрь, но с возможностью совместить сразу несколько дат — бракосочетания, отпуска, свадебного путешествия — в то время обстояло непросто, да и само по себе путешествие уже считалось роскошью для молодоженов, обыкновенно проводивших медовый месяц на даче или в пригородном пансионе. С путевкой в ведомственный дом отдыха в Сочи, можно сказать, повезло: это был подарок от руководства и коллег

к предстоящей осенью свадьбе, и начальнику третьего отдела уголовного розыска Макарову пришлось приложить известные усилия, чтобы выбить этот подарок в главке. Но с поездкой вышла незадача, потому как Тонечка бросила меня за неделю до этого, сообщив о своем решении в кафе на Невском, 24, более известном как «лягушатник», под бокал шампанского и два шарика ванильного мороженого, которые я заказал, предполагая обсудить предстоящий отпуск, не зная еще, о чем будет идти разговор.

С Тонечкой мы познакомились два с половиной года назад, зимой, в очереди за минтаем. Жанр требует какой-то героической истории знакомства, чтобы, например, я защитил ее от хулиганов или, с учетом профессии, спас от вооруженных бандитов — но нет. Мама в выходной отправила постоять очередь в универсам рядом с домом, а Тонечка стояла впереди — миниатюрная, хорошенькая блондинка в кудряшках и с большими голубыми глазами. Она училась на третьем курсе Института культуры на экскурсовода, было ей двадцать лет; мне в том году исполнялось уже двадцать семь, и мама регулярно сообщала о потере надежд понянчить внуков, в то время как, например, у подружки с работы, Анны Ильиничны, сыну двадцать пять, а у него уже двое и третьего ждут. Я пообещал маме, что и ее счастье не за горами и потерпеть осталось совсем немного, потому что с Тонечкой мы решили жениться, когда она закончит учебу.

И вот закончила.

— Витя, ты только не переживай, — сочувственно увещевала Тонечка, хмуря лобик и глядя на меня огромными голубыми глазищами так, словно уже готова была осудить любые проявления переживаний. — Ну сам подумай, какие у нас перспективы?

Оказалось, что размышления о перспективах у теперь бывшей моей невесты начались не вчера. Как я понял, она уже полгода встречалась с каким-то товароведом и радостно приняла от него предложение. Как-то незаметно наступило то время, когда товаровед стал более привлекательной партией, в отличие, скажем, от военного летчика, милиционера или уж тем более инженера. Вроде и ничего героического, и даже

как-то немного неловко говорить «у меня муж — товаровед», а все равно подруги завидуют.

— У него хорошая должность, свой автомобиль, квартира кооперативная... — веско перечисляла Тонечка незамысловатые составляющие формулы любви.

Крыть мне было нечем, потому что против автомобиля я мог выставить только пожилой отцовский «ИЖ-комби», а кооперативной квартире противопоставить комнату в родительской «двушке», где и предполагал до сего момента строить семейное счастье.

— Ну все, пока. Надеюсь, ты не обиделся. — И Тонечка упорхнула, легкая, как юная бабочка, оставив меня одного с подтаявшим в железной креманке мороженым и открытой бутылкой сладкого шампанского. Люди вокруг заняты были собой. На улице сиял летний вечер. У окна на зеленом плюшевом диванчике сидела в одиночестве красивая молодая женщина: миндалевидные глаза с поволокой, высокие скулы, пухлые, ярко очерченные губы, темные волосы коротко острижены по последней моде, легкое платье с широкими, как крылья, плечами. Она поймала мой взгляд и улыбнулась. Я позвал официантку, рассчитался, отправил бутылку шампанского на столик темноволосой красавице и ретировался.

На работе я написал рапорт о переносе отпуска, а путевку подарил Олегу Кравченко, заместителю Макарова, человеку давно семейному, а оттого глубоко и безнадежно одинокому, как бывает одинок человек только в устоявшейся, благополучной семье. Отказался от денег — а продать трехнедельный тур в Сочи можно было бы рублей за сто, не меньше — и только попросил привезти бутылку хорошего коньяку, прервав поток благодарностей. Вот поэтому утро понедельника застало меня не в номере с видом на море, а дома, бесцеремонно подняв с кровати настойчивой дребезжащей трелью телефонного звонка.

Я нашарил рукой трубку, снял и ответил, не открывая глаз:

— Адамов.

— Доброе утро, товарищ капитан! Старший лейтенант Архангельский, УВД Петроградского района. Звоню по по-

ручению руководства. Вы нужны на адресе, можете сейчас подъехать?

Звонок спозаранку — это всегда тревога. Среди ночи может вдруг позвонить подгулявший приятель, брошенная подруга или родственник с другого конца страны. Но в пять утра звонят только лишь с тем, чтобы сообщить плохие новости. Адрес, который назвал лейтенант, был мне знаком, и нехорошее предчувствие о судьбе Бори Рубинчика почти равнялось уверенности.

Я натянул брюки, надел любимую рубашку в синюю клетку и вышел из комнаты. Телефон в коридоре я обычно выключаю на ночь, чтобы родителей не беспокоили не такие уж редкие при моей работе ночные звонки, но отец все равно проснулся.

— Что-то случилось, сынок? — спросил он, моргая спр сонья.

— По работе, — ответил я. — Папа, можно я машину возьму?

— Бери, — ответил он и зевнул. — Только не разбей.

Это напутствие повторялось каждый раз все семь лет с тех пор, как я получил права.

— Хорошо, я аккуратнo.

Я кое-как умылся и почистил зубы, подумал и решил, что побриться не успею. На кухне отец ставил чайник. Он работал мастером участка на «Красном Выборжце», утренняя смена начиналась в семь часов, и ложиться спать уже не было смысла.

— Чай будешь пить?

— Нет, папа, тороплюсь.

Я взял банку с чайным грибом, через пожелтевшую марлю нацедил полную кружку желтовато-зеленой жидкости и махом выпил. Забористый кислый вкус был так крепок, что разом прогнал остатки сна, даже глаза сами собой распахнулись, будто от удивления, и мурашки побежали по телу. Я набросил пиджак, взял ключи от машины и вышел.

Город был пуст, тих и недвижен. Панельные девятиэтажные новостройки застыли в утреннем оцепенении. Выцветшее от жары небо, чуть потемневшее и посвежевшее за ночь, постепенно светлело и заволакивалось первым дымом, который выдыхали просыпающиеся пожары на севере и востоке. Торфяники тлели уже с неделю, служба пожарной охраны

проливала сухие леса, рапортуя об отсутствии опасности выхода огня на поверхность, граждане, привыкшие ко всему, постепенно свыкались и с дымом.

До Кировского проспекта я добрался за десять минут. Перескочил через мост на Аптекарский остров, миновал спящий сад Дзержинского¹, проехал мимо едва различимого меж высоких старых деревьев туберкулезного диспансера и притормозил, приготовившись развернуться. Даже если бы я забыл нужный адрес, ошибиться было бы невозможно: у тротуара напротив высоких декоративных ворот без створок, ведущих во двор, стояло несколько автомобилей с ведомственными номерами, желто-синий патрульный «УАЗ», новенькая блестящая «тройка» цвета свежей травы и «Скорая помощь» с выключенными спецсигналами, которая никому здесь уже помочь не могла.

У ворот переминался с ноги на ногу молодой сержант. Увидев меня, он было оживился, шагнул навстречу, но взглянул на удостоверение, козырнул и потерял интерес.

Дом не зря назывался «академическим». Мало в каком еще доме Ленинграда, при всем богатстве научных и культурных традиций, жили в таком количестве деятели науки и искусства: в разные годы здесь квартировали шесть академиков, пять живописцев, три известных поэта, два прославленных архитектора и даже одна балерина, не говоря уже про профессоров, врачей, генералов — тоже в своем роде ученых войны и художников масштабных сражений — этих вовсе было без счета. Впрочем, инвазия нового времени коснулась и этого дома: поселился же тут Боря Рубинчик, заняв квартиру после смерти родителей, известных в прошлом микробиологов, которые уж точно не предполагали для сына ни той карьеры, что он избрал, ни такого конца, к которому, вероятнее всего, эта карьера и привела.

Длинный и узкий двор-курдонер² вел к двери центральной парадной. Монументальные фасады благородного серого

¹ Сад Дзержинского — ныне Лопухинский сад в Санкт-Петербурге.

² Курдонер — открытый парадный двор перед зданием, ограниченный выступающими боковыми флигелями и главным фасадом.

цвета, украшенные всеми неоклассическими излишествами, какие только могли измыслить в начале века, — барельефы, пилястры, декоративные колоннады, розетки, статуи в нишах, горгульи, кариатиды, поддерживающие балконы, сами балконы, все в лепных завитках, — тянулись вверх на исполнинских пять этажей, каждый из которых стоил двух в обычном доме где-нибудь в Купчине или на Гражданке. Крышу венчала монументальная мансарда, огражденная каменными перилами. Степенные ряды больших окон кое-где светились огнями, и ярко сияло электричеством выбитое окно на четвертом этаже по центру дома, как вытаращенный в удивлении глаз, из которого выпал монокль.

Я огляделся. Сотрудники в форме и в штатском входили и выходили из двустворчатой двери парадной, разговаривали с жильцами, которые группами и по одному жались у стен и дверей, переступая ногами в домашних туфлях и запахивая наброшенные на ночные рубашки халаты. Голоса звучали негромко, то ли из уважения к смерти, то ли к тихому летнему утру, и только где-то периодически бесцеремонно включалась рация, шипела белым шумом эфира и снова замолкала.

Костя Золотухин, мой старый приятель из спецотдела, появился откуда-то сбоку и приветственно отсалютовал:

— Привет, Виктор! — как всегда с ударением на второй слог. — Так и знал, что тебя тоже сюда дернут.

Он кивнул в сторону и произнес, чуть понизив голос:

— Рубинчик. Вот так.

Я посмотрел туда, куда показал Костя. Припаркованная «шестерка» модного цвета «золотое руно» частично закрывала обзор, и я увидел только рассыпанные по асфальту осколки стекла и знакомого судебно-медицинского эксперта Генриха Левина, делающего пометки в бланках на широком планшете.

— Почему общий сбор?

Костя пожал плечами.

— Тело с признаками насильственной смерти, сам понимаешь. Уже повод всем собраться и хорошенько постоять рядом. К тому же в угрозыске мало отделов, где бы Боря ни засветился: у тебя проходит как потерпевший по разбойному нападению, у меня, понятно, в разработке по связям с ино-

странными гражданами, шестой его изучал как участника, так сказать, сообществ. Теперь вот и убойщики им занимаются. Напоследок.

— А кто от второго отдела?

— Игорь Пукконен, он со свидетелями работает, наверху. Сюда первыми приехали ребята из района, но в связи с особенностями личности позвонили дежурному в главк. Убийство — дело серьезное, подняли спозаранку само руководство. — Костя потыкал пальцем в дымное небо. — А руководство не любит, когда его поднимают плохими вестями, поэтому передали по начальникам всех причастных отделов прислать сотрудников по принадлежности. Честно говоря, что мне тут делать, я не очень понимаю. Да и тебе тоже. Разве что с Борей проститься. Пойдешь посмотреть?

Покойник лежал в двух шагах от входа в подъезд бесформенной пестрой кучкой, как сбитая птица. Рамы окна наверху были распахнуты настежь, а одна и вовсе выломана почти полностью и, угрожающе накренившись, висела на одной петле. Я снова взглянул на мертвеца. Вверх смотреть было приятнее.

— Доброго утра, Генрих Осипович. Что скажете?

Судмедэксперту Генриху Левину было едва за сорок, но мне он казался пожилым и умудренным седыми годами: когда тебе самому еще нет тридцати, сорокалетний порог представляется почти метафизической гранью, за которой по полям асфodelей бродят бесплотные тени, шелестящими голосами несущие околесицу про то, что после сорока жизнь только начинается. Да и Генрих Осипович не молодился, скорее напротив: носил роговые очки, бородку клинышком, волосы с легкой проседью зачесывал назад, прибавляя себе этим всем еще пару десятков лет возраста и на полвека жизненного опыта. Он воззрился на меня поверх очков взглядом, в котором отразилась мудрая скорбь поколений, вздохнул и ответил:

— Здравствуйте, Витя. Ну что я могу сказать без экспертизы? Вы и сами все видите.

— Ну а хотя бы предварительно?

Левин вздохнул.

— Витя, вы же меня знаете, я не люблю вот этой профанации. Я сейчас скажу, а вы выводы сделаете, наверняка не-

правильные. Подождите сутки, будет заключение, все узнаете, если вам вообще это надо. Вы же случаями насильственной смерти не занимаетесь, верно?

Я молчал. Генрих Осипович поцарапал немного ручкой в своих бланках, покосился на меня, снова вздохнул и опять принялся что-то черкать на бумаге. Я закурил. За воротами по проспекту с басовитым бодрым гудением прополз поливальный автомобиль. Левин горестно закатил глаза и произнес:

— Вы, Витя, мертвого убогаете. Ладно, уговорили. Но никаких шокирующих откровений не будет. Вероятно — запомните это слово! — смерть наступила в результате падения с высоты. Об этом говорят характерные травмы теменной и затылочной части головы, частичная деформация костей черепа и состояние шейных позвонков. Если проще, то вот здесь — видите? — следы мозгового вещества на асфальте, а голова у него болтается, как на веревочке, потому как позвонки компрессионным ударом раздавлены в крошево. Учитывая, что до его окна метров двадцать, а также то, что в землю он воткнулся почти вертикально, все это неудивительно. На торсе и животе множественные ранения, предположительно — запомните, предположительно! — ножевые. Насколько я могу судить здесь и сейчас, они носят поверхностный характер, ни одно ранение не является проникающим и тем более смертельным. Но это не точно. Травматическое удаление глазных яблок исполнено несколькими ударами, причем, я бы сказал, неуверенными — видите порезы внутри глазниц? Нет? Присмотритесь. Не хотите? То-то же. На мой личный взгляд, орудие, которым это проделано, не проникло настолько глубоко, чтобы поразить мозг. Хотя это еще нужно проверить.

Я взглянул на кухонный нож с потемневшим от крови лезвием, уже аккуратно упакованный в целлофановый пакет для вещественных доказательств, и вопросительно посмотрел на Левина. Тот замахал руками.

— И не спрашивайте! Понятия не имею. Пока я не могу отвергнуть эту гипотезу однозначно.

— Сам себя изрезал, — произнес я задумчиво. — Выколол глаза, а потом выбросился в окно вниз головой. Потому и нож рядом.

— Витя, избавьте меня!..

— А что у него с руками?

Лицо несчастного Бори было тем зрелищем, на которое непросто смотреть, но если уж посмотрел, то оторвать взгляд получалось с трудом. На кисти рук я обратил внимание только сейчас: они были изуродованы множеством рваных ран, таких глубоких, что в некоторых местах сквозь вывороченную плоть тошнотворно белели кости. На нескольких пальцах вместо ногтей багровели свежие раны.

— А вы наверно были? — ответил вопросом на вопрос Генрих Осипович.

— Нет.

— Ну так поднимитесь, сделайте одолжение. Все поймете. Там сейчас Леночка работает, заодно с ней обсудите свои смелые версии. Она любит с ходу начинать фантазировать. Вам под стать собеседник.

За тяжелыми двойными дверями пологая узкая лестница через высокую арку с лепными узорами вела на основной лестничный марш, изгибающийся вправо, как винтовые ступени в замковой башне. Сверху неслись голоса, шарканье ног, стук дверей. Где-то заходила залюбленным лаем маленькая собачка. Навстречу спустился усатый дородный мужчина в трикотажных тренировочных брюках и наброшенной на майку белой выглаженной рубашке — типичный гражданский, поднятый по внезапной тревоге. На этажах было по две квартиры, некоторые двери приоткрыты, из них выбивался слишком яркий для раннего утра свет и слышались нервные разговоры.

Обе створки дверей в квартиру Рубинчика были распахнуты настежь. Полузнакомые и вовсе незнакомые мне люди входили и выходили, как бесцеремонные незваные гости. Лестничным маршем выше на площадке стояла высокая женщина царственной внешности в длинном черном халате; она стискивала пальцы, унизанные перстнями, и недовольно смотрела вниз. Рядом мыкался испуганный человечек в серой пижаме и круглых очках, плешивый, неопределенного возраста и такой же внешности.

У самого порога кинолог Шамранский, усатый и немолодой уже дядька, похожий на гвардейца петровских времен,

присел на корточки рядом с прижавшимся к полу служебным псом и негромко увещевал: «Спокойно, Цезарь, ну что ты, Цезарь, успокойся». Цезарь тяжело дышал, вывалив влажный язык, и виновато посматривал из-под рыжих бровей. Шамранский кивнул мне, вздохнул и снова принялся то ли успокаивать, то ли уговаривать своего пса: «Спокойно, ну все, Цезарь, спокойно».

Я вошел в просторный широкий холл. Первое, что я почувствовал, — запах: резкий аромат алкоголя и еще один, чуть заметный, неуловимый, похожий на то, как пахнут перегревшиеся электроприборы. Справа от входа располагался камин — я обратил на него внимание еще в свой первый визит: огромное, облицованное мраморной плиткой сооружение высотой почти в человеческий рост, полкой, на которой можно было бы уложить спать приезжего родственника, ажурной кованой решеткой и топкой размером с гостиную в стандартной пятиэтажке. Собственно, камин — единственное, что не изменилось, вернее сказать, устояло перед тем, что обрушилось на квартиру Бори Рубинчика.

Почтенный мозаичный паркет холла был заляпан бурыми пятнами крови и усеян осколками вазочек, керамических подсвечников, ювелирных подставок и семейства из семи слоников, сметенных с каминной полки. Вешалка сорвана со стены, опрокинута и как будто растоптана; телефонная тумбочка опрокинута, а сам аппарат — последней модели, с кнопками вместо диска — превратился в пластмассовую труху, среди которой одиноко поблескивала полусфера звонка. Стены холла иссечены беспорядочными надрезами, как если бы кто-то яростно бился с незримым противником, то и дело коварно уворачивающимся от ударов. Кухня пострадала меньше, только ящики со столовыми приборами были вытащены из стола и брошены на пол, по линолеуму разлетелись вилки, ложки, ножи, и на металлических стенках массивного финского холодильника виднелись две глубокие окровавленные вмятины.

Дверь в спальню находилась напротив входа и была приоткрыта. Я осторожно толкнул ее и заглянул внутрь. Огромное тройное зеркало трюмо обрушено на пол и расколото на ку-

ски; дверцы платяного шкафа размером с сарай проломлены и вдавлены внутрь, как если бы в них врезался самосвал. Матрас и постель на огромной кровати вздыблены так, словно кто-то пытался под ними спрятаться, но безуспешно. Я перевел взгляд на стену над высокой ажурной спинкой: там чуть заметно темнел прямоугольник обоев на месте пропавшей картины, в центре которого выступала массивная дверца сейфа. Она была приоткрыта, и я знал, что там пусто.

Из гостиной тянуло дымным сквозняком, сладким спиртом и сверкали вспышки фотоаппарата. Я осторожно переступил сорванные бамбуковые занавески и заглянул внутрь.

Шикарная гостиная Бори Рубинчика из визитной карточки преуспевающего человека превратилась в свалку варварски изломанной мебели, забрызганной и залитой кровью. В роскошной румынской «стенке» не осталось ни одного целого шкафа: стеклянные дверцы серванта разбиты вдребезги, полки обрушены, все, что было внутри — фарфоровые сервизы, чешский хрусталь и стекло, редчайшая отечественная коллекционная анималистика, — грудами и россыпями окровавленных осколков усеивало глубокий ворсистый ковер вперемешку с сувенирными фигурками, свечами, безделушками из тех, что бесконечно передачивают друг другу по праздникам, изорванными и растоптанными подписными изданиями Мориса Дрюона, Агаты Кристи, собраниями сочинений русских классиков, дефицитными журналами «Англия» и почти подсудными яркими номерами PlayBoy, которые, похоже, рвали на части с особой жестокостью. Откидная крышка бара открыта, оторвана, и лампочка внутри освещала мягким янтарным светом варварски расколоченные бутылки Havana Club, Beefeater, Martel, Cinzano, причем орудием разрушения, судя по всему, была избрана бутылка виски Johnny Walker, метко запущенная в бар на манер биты при игре в городки. На диване валялась сорванная с петель внутренняя дверь с треснувшим матовым стеклом, а сам диван — роскошный, серо-голубой, плюшевый, мягкий, как райское облако, — был беспощадно вспорот от подлокотника до подлокотника. Довершали картину чудовищного разгрома сброшенная со стены на пол старинная икона в большом

темном киоте с разбитым стеклом, опрокинутый цветной телевизор, тяжелый полированный корпус которого был расколот, а в центре лопнувшего потемневшего экрана торчал, как засевшая пуля, один из семейства слоников с каминной полки, и разбросанные видеокассеты, некоторые с предосудительным до уголовной ответственности содержанием: в частности, «Эммануэль» и «Греческая смоковница». Это в наше благословенное время они кажутся не эротичнее голого манекена в витрине, а тогда были способны вогнать в краску любого бабника со стажем и обеспечить владельцу судимость за распространение порнографии.

— Привет, Адамов! — раздался голос откуда-то снизу. — Когда в кино меня пригласишь?

Я опустил глаза. Рядом с журнальным столиком на корточках сидела Леночка Смерть и с любопытством смотрела на меня.

Вообще-то фамилия у Лены была Сидорова, и она являлась одним из лучших экспертов-криминалистов, работающим по сложным случаям тяжких преступлений против личности. Почтительное и жутковатое прозвище свое она заслужила из-за удивительной стойкости перед самыми страшными и кровавыми сценами насилия и даже некоторого удовольствия, с которым разбиралась в делах об убийствах. Проницательностью при этом она отличалась невероятной, картину происшествия восстанавливала так, что даже потерпевшим напоминала некоторые детали, не говоря уже о традиционно забывчивых преступниках, и фору в следственном деле могла дать и многим из тех, для кого это дело было профессией. Внешность Лены хорошо рифмовалась с ее прозвищем: очень темные волосы с медным отливом, которые она заплетала в тугую короткую косу, необычно бледная кожа, коричневые крупные веснушки, яркие голубые глаза и острый нос. Сейчас ее назвали бы интересной и оригинальной, и быть может, даже модный фотограф пригласил бы на съемки для известного бренда, но в то время с такими данными, да еще и вкуче с резким характером, шансов на популярность у Леночки было немного, а потому в свои двадцать девять она оставалась девушкой незамужней и, кажется, не особенно этим тяготилась. Сейчас на ней было

синее платье в крупный белый горох, из-под подола которого торчали острые бледные коленки, босоножки без каблука и тоненькие резиновые перчатки на длинных пальцах, в которых она держала маленький пластиковый пинцет с зажатым между лапок чем-то неразличимо микроскопическим. Фотограф слегка улыбнулся мне, отвернулся, прицелился аппаратом куда-то в угол и снова щелкнул вспышкой.

— Привет, Лена! Вот как победим преступность, сразу же приглашу.

— Так это уже на следующей неделе! — воскликнула она и вздохнула: — Обманешь ведь наверняка. Ну что, уже есть версии?

— Какие версии, Лена, это же не мое дело. Я тут так, на экскурсии.

Она погрозила мне затянутым в латекс пальчиком.

— Брось, Адамов, я тебя знаю! Ты сыщик, у тебя сыскная мышца автоматически срабатывает.

Она обвела взглядом комнату.

— Та еще картинка, верно? На следы борьбы не очень похоже?

Я согласно кивнул.

— Скорее на гром, бессмысленный и беспощадный.

— Точно! А теперь обрати внимание вот сюда.

Леночка широко раскинула руки и выразительно посмотрела на меня. Я взглянул и сначала не понял, что именно она имеет в виду. Потом взглянул еще раз и даже присвистнул от изумления.

— Ага! — торжествующе сказала Леночка. — Знала, что оценишь.

Дальний угол гостиной справа от разбитого окна оставался совершенно не тронут. Я не сразу заметил это в общем кавардаке. Журнальный столик со стеклянной столешницей, рядом с которым примостилась Лена, широкое серо-голубое кресло, кровная родня безжалостно погубленного дивана, высокий торшер с двумя абажурами, светящимися желтым и розовым, чеканка на стене с профилем Нефертити — все было в целости и даже, кажется, не сдвинуто с места — жутковатый островок мира и тишины в самом центре тайфуна. Больше того, на сто-

лике имели место пепельница с истлевшей сигаретой, красная пачка Marlboro, широкий бокал с жидкостью цвета мореного дуба на доньшке и округлая бутылка с широким горлышком, выглядевшая на два моих месячных оклада. Этот нетронутый угол комнаты среди общего хаоса наводил жути больше, чем окружающий страшный разгром — об него разбивались логика и здравый смысл.

Я подошел ближе, осторожно ступая по превратившемуся в хлам зажиточному быту, и не без труда прочел надпись на этикетке:

— «Соурвоисиер».

— Господи, Адамов, ты дикарь. Это «Курвуазье», чтоб ты знал. Покойник понимал толк в хорошем коньяке.

— И к чему это его привело? — риторически парировал я. — Наверное, теперь моя очередь спрашивать, есть ли версии?

Леночка многозначительно приподняла бровь и загадочно усмехнулась.

— Побудешь здесь еще полчаса? Я первичное описание закончу, можем потом сходить покурить.

— Договорились. Погуляю тут пока.

Стрелки часов показывали начало шестого, и делать все равно было нечего. Во дворе Шамранский выгуливал повеселевшего Цезаря, который на радостях навалил огромную кучу на газончик в центре двора. Я нашел Пукконена из второго отдела и перекинулся с ним парой слов; познакомился с суровой царственной дамой в черном — Ядвигой Ильиничной, вдовой генерала внутренних войск Расторгуева, — «того самого», добавила она многозначительно, хотя мне эта фамилия ни о чем не сказала; переговорил со Львом Львовичем, главным инженером «Турбостроителя», в характеристические черты которого, кроме серой пижамы, очков и плешивости, добавился густой дух доброкачественного перегара; заглянул к соседям напротив: молодая пара: Сережа — учится на восточном, длинный, тощий, со впалой грудью, выпирающим кадыком, весь какой-то костистый, как гриф; и Маша — косящий взор, крутые бедра, полные губы и челка.

Хронологическая картина происшествия складывалась довольно четкая.

Примерно в четыре утра соседи Рубинчика проснулись от шума. Ни криков, ни громкой музыки, ничего такого, что обычно нарушает священный ночной покой граждан — просто какой-то топот и словно бы звуки передвигаемой мебели, которые очень скоро превратились в раскатистый грохот. Некоторое время соседи деликатно терпели, злобно тарачась в темноту и возмущаясь вполголоса, но, когда к шуму добавились звуки бьющегося стекла, а потом что-то тяжело-весно грянулось так, что с потолка на нос Ядвиги Ильиничны посыпалась штукатурка, она не выдержала и поднялась к соседу.

— Я к людям очень терпелива и скандальных сцен не люблю. Да и Боря, что про него ни говори, мог приходить поздно, ночами не спать, но никогда себе безобразий в доме не позволял. А сегодня у него будто черти отплясывали! У меня даже Пополь проснулся и завыл от испуга, бедняжка, а он спит очень крепко. Вот я и пошла.

Дверь в квартиру Рубинчика была приоткрыта, и этот факт несколько обескуражил Ядвигу Ильиничну. Она остановилась в неуверенности, не решаясь на активные действия в одиночку, но через пару минут к ней присоединился Лев Львович с пятого этажа — грохот пронял даже его, а потом из соседней двери выглянули Сережа и Маша. В конце концов поднялся и Матвей Архипович со второго — почтенный усатый муж в белой рубашке, которого я встретил на лестнице. К тому времени из квартиры доносились уже совершенно кошмарные звуки.

— Это было какое-то светопреставление! Все гремело так, что стены тряслись! И вот что странно — больше ничего. Понимаете? Ни голосов, ни воплей. Просто на фоне мертвенной тишины какое-то остервенелое громохание. А еще запах: такой, электрический, как бывает во время грозы.

— Нет, если бы крики какие-то или на помощь кто-то звал — то да, мы бы все. Как один. — Лев Львович старался дышать в сторону, виновато пряча глаза.

— Я сразу про ограбление вспомнил, — признался Сережа. — Бориса же ограбили, дней десять назад, вы в курсе? Ну вот и подумал, вдруг злодеи вернулись и ищут что-то.

— На самом деле был еще один звук, противный, — вспомнила Маша. — Писк, как бывает, когда телевизор не выключили, у меня от такого уши закладывает.

— Лично я ничего никогда не боялась и не боюсь, — решительно сообщила Ядвига Ильинична. — Но один в поле не воин, а нас было мало. Сейчас многие на дачах, Терешенки у себя во Мшинской, Хотимские под Зеленогорск укатили. Лев Львович, кстати, тоже жену с котом и сына отправил на дачу, а сам взял отпуск и пьянствует. Отдыхает, с позволения сказать. Не с ним же идти в бой. Да и не с Сережей. Вы его видели? Неосторожным взглядом можно убить.

В итоге, когда Ядвига Ильинична все же набралась отваги и толкнула дверь, из квартиры донесся звон стекла, треск рам, а потом во дворе кто-то закричал.

— Это Коминтерн Леонидович был, из второй парадной, профессор медицинского, — рассказал Сережа. — Он часто выходит курить во двор спозаранку, вот и увидел...

Соседи гурьбой кинулись вниз, оставив у открытой двери квартиры только Льва Львовича.

— Я покараулить оставался, мало ли что, — пояснил он.

— Лева, знаете ли, трусоват, — с легким презрением прокомментировала Ядвига Ильинична. — Мы все на улицу побежали, а он отстал. Якобы посторожить. Тоже мне, сторож.

Лев Львович, впрочем, недолго выдержал одиночество и тоже спустился вниз, встретив несущегося через три ступеньки Сережу, который бежал к себе в квартиру вызвать милицию и «Скорую помощь».

Дальше все толклись во дворе, ахая вокруг распростертого Бори. Коминтерн Леонидович отважно кинулся к пострадавшему, пытаясь оказать ему помощь, но в итоге лишь растормошил тело, изгваздался кровью, после чего провозгласил: «Мертв!» — вызвав Машины крики и исполненный достоинства обморок Ядвиги Ильиничны. Скоро во двор выбрались почти все обитатели дома: опасливо любопытствовали, качали головами, переговаривались и ждали милицию. Пренебрегли этим общим собранием только Марфа Игнатьевна с первого этажа, которой не так давно сравнялось девяносто пять лет и которая предпочитала наблюдать жизнь из окна квартиры,

и Серафима, дама полусвета из мансарды, не отягощенная определенными занятиями, а в то утро и избытком одежды: в длинном перламутровом negligé стояла она на маленьком своем балконе и сонно щурилась на переполох.

— Между прочим, дочь самого Лепешинского, — скорбно сообщила Ядвига Ильинична. — Ныне единственный позор нашего дома. Раньше еще был вот Боря... Ну а что вы так смотрите? Жулик, прохвост, болтался ночами неведомо где, машину свою ставил не в гараже, а прямо во дворе, как бродяга, — вот этот агрегат цвета детской неожиданности, видели? Я, кстати, вашим коллегам неоднократно сигнализировала, не скрою. И была бы не против, чтобы его посадили. Но такого конца, конечно, никто ему не желал.

Через полчаса я снова вышел во двор. Тело уже увезли, отправив туда, где ему предстоит пройти последний допрос с пристрастием, отвечая на вопросы, задаваемые при помощи хирургической пилы и ланцета судебного патолого-анатома. Уехал и Шамранский с Цезарем. Костя Золотухин укатил на своей новенькой травянисто-зеленой «тройке». У высоких ворот оставались только микроавтобус «РАФ» криминалистической лаборатории, патрульный автомобиль и пара машин сотрудников второго отдела, которые разошлись вслед за гражданами по квартирам, заканчивая процедуру опроса. Постовой мыкался у входа во двор, сдвинув на затылок фуражку и меряя шагами, как цапля, расстояние от столба до столба. Я уселся на лавочку напротив «шестерки» Рубинчика и закурил. Через окна мне были видны белые мохнатые чехлы на сиденьях, разноцветная оплетка руля и фигурка полуголой русалки под лобовым стеклом — богатый советский тюнинг. Из парадной вышла Леночка, махнула мне рукой, сунула сигарету в зубы, подошла и уселась рядом.

— Любуешься? — кивнула она на машину.

— Все, что осталось от человека, — отозвался я. — Кроме хлама в квартире. Ни семьи, ни детей. Даже похоронить будет некому.

Лена пожала плечами и ничего не ответила. Мы помолчали.

— Ну что, сравним наблюдения? — предложила она. — Начнешь первый?

— В спальне и на кухне почти нет следов крови, только на холодильнике вмятины, похоже, от ударов кулаками. И разрушения минимальны, в отличие от гостиной.

— Точно! Смотри, что получается. Рубинчик спокойно сидит себе дома, вышивает в ночи, думает о своем. Потом встает, идет в холл и открывает входную дверь. Предположим, что к нему кто-то пришел, причем визитеры настроены были, скажем так, недружественно. Он это сразу же понимает, бежит в спальню — она как раз напротив входа в квартиру. То, что я увидела в спальне, можно теоретически назвать следами борьбы, хотя и диковатыми: уверена, что, например, дверцы платяного шкафа проломлены чьей-то спиной, зеркало на трюмо просто опрокинули в схватке. На кровать обратил внимание?

— Да. Как будто кто-то под одеялом прятался.

— И его оттуда вытащили. Это первый штрих к картинке безумия, потому как трудно представить, чтобы взрослый человек всерьез пытался спрятаться от налетчиков, забравшись при них под матрас. После этого, еще не израненный, Рубинчик отправляется на кухню и лупит кулаками по холодильнику, да так, что разбивает в кровь руки. Потом рывком вытаскивает ящик со столовыми приборами и находит нож. Наносит себе первые раны — в холле характерная дорожка из пятен крови, пока небольших, которая тянется из кухни к гостиной, — и как саблей кромсает лезвием стены. Сметает мелочь с каминной полки, топчет вешалку и телефон. Потом входит в комнату и устраивает чудовищный разгром: режет диван, громит шкафы, рвет книги с журналами, голыми руками разбивает стекла в серванте — я почти уверена, что он еще и головой туда пару раз въехал, — кулаками дробит посуду, швыряется слоником в телевизор, не забывая при этом резать себя ножом, доходя до того, что выкальвает глаза, а потом и вовсе выскакивает головой вперед через закрытое окно.

— Думаешь, сам себя резал?

— А ты, можно подумать, иначе считаешь. Если бы его пытали, то связали бы и рот заткнули, чтобы не орал. А Боря

и так ни звука не издал, что тоже чрезвычайно странно. Да, будет еще анализ образцов крови с ножа, результаты сбора материалов и отпечатков пальцев в квартире, исследование трупа, но пока это больше всего похоже на внезапный приступ буйного помешательства.

— Но, кажется, кто-то упоминал про налетчиков и таинственных визитеров?

Леночка глубоко затынулась, прищурилась и выпустила дым в небо, и без того уже подернутое дыханием далеких пожаров.

— С одной стороны, человек, который вдребезги разбивает сервиз «Мадонна», — точно псих. У меня сердце кровью облилось, когда осколки увидела. И тут нам посмертная психиатрическая экспертиза в помощь. С другой — это какое-то странное безумие, которое заставляет избирательно разнести к чертям только одну комнату в квартире и при этом почему-то не тронуть угол с креслом и столиком. Он туда даже не бросал ничего. И почему открыта входная дверь? И что за запах такой, как после грозы? И почему Цезаря так и не удалось в квартиру затащить: ты вот не видел, а у него даже шерсть дыбом встала, скулил, упирался, так и не вошел ни в какую. А Цезарь — пес старый, опытный, он и на пепелище работал, и на убийстве в Синявине в прошлом году, где пять трупов на даче две недели лежали, в закрытом доме, в жару. У меня твердое ощущение, что кто-то еще был в квартире, сидел в этом кресле под торшером, с удобствами, и наблюдал, как Рубинчик свое жилище громит и кромсает себя ножиком. Что его заставили это сделать. А в окно он выпрыгнул, чтобы избавиться от страданий. Как будто в этой комнате произошло и убийство, и самоубийство одновременно, с какой стороны посмотреть.

Она взглянула на меня, широко распахнув бледно-голубые глазницы, словно ей воочию представилась описанная картина. Я вздохнул и мягко ответил:

— Лена, ты перемудрила. В безумии нет логики. Потому и дверь открыта, и один угол не тронут. Мало ли что бедняге Борюсику там привиделось. Но даже если предположить, что в квартире кто-то был посторонний, выйти он оттуда никак не мог. Соседи несколько минут толклись у дверей, когда там

продолжался этот бедлам, пока Рубинчик не выбросился из окна. Потом у квартиры оставался Лев Львович, а когда он тоже стал спускаться вниз, то навстречу ему уже поднимался Сережа, молодой человек из квартиры напротив: забежал к себе и позвонил в милицию. Телефон у него в коридоре, дверь он не закрывал. Но даже если представить, что злодеи как-то успели незаметно выйти на лестницу, пока он разговаривал с оперативным дежурным, то как бы они прошли мимо столпившихся у тела Бори жильцов, если бедняга лежал почти у самого входа в парадную? Позже это и вовсе было бы невозможно, тут сотрудников собралось почти как на концерт в День милиции. Им даже в какой-нибудь квартире было не спрятаться, Пукконен со своими ребятами их все обошел.

— А Цезарь? И запах?

— Испугавшейся служебной собачки и неопределенного запаха маловато для квалификации смерти как убийства. Как и твоих ощущений, прости.

— Ладно. — Леночка бросила сигарету в урну в форме античной вазы, встала и потянулась. — Попробую хоть что-то найти еще, а потом с Генрихом Осиповичем пообщаюсь. Да, он — старый зануда, но дело знает. А тебя, Адамов, приглашаю зайти как-нибудь свободным вечерком в морг, если уж ты меня в кино не зовешь.

— Звучит неплохо.

— Ага. Чаю поьем, посекретничаем. Не так чтобы очень, но все же.

На проспекте уже всю шумели машины. Сержанта у входа во двор совсем сморило от вынужденного безделья. Среди высоких деревьев, окружавших туберкулезный диспансер, надсадно закаркал ворон и улетел в дым над Аптекарским островом. В городе начинался новый день — уже без Бори Рубинчика.

Я поднялся со скамейки и пошел к машине. У ворот оглянулся: на балконе мансардного этажа томная Серафима, теперь уже единственный позор приличного дома, курила сигарету в длинном мундштуке. Она увидела меня и махнула рукой на прощание.

00.35–00.50

– Ну, давайте помянем Борю, – предложил Адамов и поднял рюмку.

Мы помянули, не чокаясь, по обычаю. Поезд снова нырнул в межзвездную пустоту, и за окном клубился мрак с белесыми проседями дыма.

– Надо сказать, что основания для нервного срыва и даже самоубийства у Рубинчика были, правда, я тогда еще не знал, насколько серьезные. Гипотетически можно было бы ожидать, что он повесится или застрелится, если найдет, из чего. Но такой вот самоистребительной бойни и вообразить было невозможно. Да и сам Борюсик никак не походил на потенциального самоубийцу. Всего за несколько дней до фатального понедельника он сидел у меня в кабинете: яркий желтый пиджак, невозможно голубые джинсы, модные бежевые «корочки» на ногах, рубашка с попугаями – и сам он был похож на попугая, вертлявый, говорливый, с крепким, похожим на клюв носом, такой типичный жизнелюб, которому жизнь отвечает взаимностью. Он казался бы веселым, если бы не был тогда явно напуган.

– Вы что-то говорили про ограбление? – напомнил я.

– Разбой, – уточнил Адамов. – Ну да. Надо, пожалуй, рассказать немного про тогдашнюю ситуацию, просто для понимания дальнейших событий. Знаете, кто в начале восьмидесятых фактически возглавлял кампанию по борьбе с коррупцией и хищениями?

– ОБХСС?

– Комитет государственной безопасности. Потому что для государства казнокрады, взяточники и спекулянты страшнее ядерных бомб. И не тем, что кто-то выведет из экономического оборота несколько миллионов рублей, нет, а тем, что уничтожают идею социальной справедливости и порождают губительное для советского строя расслоение общества, классовое неравенство и элитаризм, причем в самых уродливых формах. Нет ничего опаснее для любой идеологии, чем ложь, лицемерие и двойные стандарты, а к первой половине восьмидесятых они стали нормой общественной жизни, когда со-

держание подменялось выхолощенными ритуалами. Вас ведь принимали в пионеры?

— Разумеется, — ответил я. — В четвертом классе, одним из первых, как отличника. В музее Ленина это было, очень хорошо помню.

— А остальных? Ну, тех, кто не отличники? — любопытно спросил Адамов.

— Их позже, недели на две. В школе, не так торжественно.

— Но всех ведь приняли, да? Потому что он уже ничего не значил, этот пионерский галстук. Так, часть школьной формы. Каким ребятам должен быть примером юный пионер, если пионеры — все? Мелочь, кажется, но ведь так было во всем, что касается ключевой идеологии: одна оболочка без сути и содержания, правила игры, которые принимает молчаливое большинство, совершенно не разделяя и не понимая даже. Система гнила изнутри и походила на прикрытую выцветшим пафосным транспарантом руину, в обветшавших залах и коридорах которой шныряют разжиревшие крысы, толкуются по углам жулики и спекулянты, граждане попроще свинчивают уцелевшие унитазаы и тащат их по малогабаритным квартирам, а дочь первого лица государства барыжит бриллиантами в компании альфонсов и проходимцев.

Попытка КГБ переломить ситуацию почти удалась. Состоялись десятки, если не сотни громких дел, в том числе в отношении представителей высшего партийного, государственного и милицейского руководства, не говоря уже о торговой мафии, которую не щадили вовсе. За хищение государственного имущества в особо крупных размерах расстрел предусматривался статьей Уголовного кодекса, но всегда оставался вопрос применения высшей меры, а тогда обществу нужно было послать недвусмысленный и однозначный сигнал — и он прозвучал. В ноябре 1983-го за воровство приговорили к смертной казни директора универмага «Елисеевский», а в августе того же года расстреляли БERTУ Бородинку, руководителя треста общепита в Геленджике, которую не спасли ни высокие связи, ни покровительство на уровне руководства страны. Это был единственный случай в послевоенное время, когда женщине вынесли смертный приговор не за массовые

убийства во время войны, как печально известной Антонине Макаровой, и не за серийные отравления, как душегубке Ивановиной, а именно за хищения.

Люмпены преступного мира, как водится, интерпретировали этот сигнал по-своему и с азартом присоединились к борьбе с расхитителями социалистической собственности. Идея отъема излишков у зажиточных сограждан, мягко говоря, не нова, но в восьмидесятые нападения на квартиры и дачи людей состоятельных участились, порой принимая формы дикие, жестокие, а иногда и бессмысленные. В том же 1983-м, например, я поучаствовал в раскрытии серии разбойных нападений, совершенных бандой Короленкова, — шесть эпизодов и девять убийств, причем в одном случае не пожалели и семилетнего ребенка. Налетчики врываются в квартиры, стреляли и резали всех, кто был в доме. Брали все, что казалось им ценным: магнитофоны, шубы, хрустальные вазы, украшения, мелочь всякую вроде солнечных очков, ручек, отрезков ткани и сувенирных брелоков, даже книги один раз утащили, несколько томов «Библиотеки приключений». Квартиры выбирали случайно: или следили от гаражей за владельцами хороших машин, или скажет кто-нибудь, что знакомый купил новый цветной телевизор, а один раз просто с улицы увидели через окно дорогую хрустальную люстру — все, готово основание для налета.

Но те, кто 2 августа ограбил Борю Рубинчика, к насилию не прибегали и имели свой особенный стиль и историю длиной более чем в полгода.

23 февраля, вечером, в дверь старшего товароведа «Ленкомиссионторга» товарища Семенцова настойчиво позвонили. Семенцов жил один, недавно приобрел себе однокомнатную квартиру в кооперативном доме в Купчине; в глазок увидел мужчину, который стоял как-то боком и вполоборота, так что лица разглядеть не удалось, а в ответ на вопрос «Кто там?» ответил: «Сосед снизу, вы нас заливаете!» Этот один из самых универсальных паролей сработал особенно эффективно в новом доме, где текло все и отовсюду, а соседей никто толком не знал. Когда Семенцов открыл, в квартиру уверенным шагом вошли двое в низко надвинутых вязаных

шапках, темных очках и шарфах, повязанных так, чтобы закрывать нижнюю половину лица. Третий вошел чуть позже, видимо, ему было нужно несколько секунд, чтобы тоже надеть очки и шарф. Вошедшие вежливо, но твердо предложили хозяину передать им деньги. Когда Семенцов, стараясь не растерять остатки присутствия духа, попытался отделаться вынужденной из кошелька десяткой, ему продемонстрировали пистолет («такой, немецкий, как в фильмах про войну») и порекомендовали не упорствовать, с некоторым сожалением пообещав в противном случае применить насилие. Рекомендация сработала, и Семенцов выдал незванным гостям из заначки, по его словам, триста рублей, хотя очевидно было, что сумму он решительно занижает. По оценке коллег из ОБХСС, у которых Семенцов уже некоторое время был «на карандаше», налетчики взяли не менее десяти тысяч. Такие деньги, особенно полученные предосудительным путем, хранились обычно только дома, потому как в Сберкассе их происхождение объяснить было бы затруднительно. Ни ювелирные изделия, ни магнитофон Sharp, ни кинокамера, ни пыжиковая шапка с болгарской дубленкой разбойников не заинтересовали. Они забрали деньги, вежливо поблагодарили, простились, после чего изъяли у хозяина оба комплекта ключей и удалились, заперев входную дверь. Злосчастному Семенцову потребовалось около получаса, чтобы привлечь внимание соседей неистовым стуком по батарее, ибо телефона в новом доме еще не было.

Заявление приняли, дело попало ко мне. Была сформирована оперативная группа из сотрудников моего отдела и шестого, по борьбе с бандитизмом. Проведенные мероприятия результатов не дали: лица мнимого соседа Семенцов не разглядел, особых примет сообщить не мог — ну, был один из разбойников выше и крупнее других, ну, другой, который явно был главным, стоял, прислонившись к стенке и вальяжно засунув руки в карманы; на головах — шапки «петушок», на лицах — темные очки и шарфы, на руках — перчатки, вот и все. Свидетели видели вроде бы, как в интересующее следствие время от дома отъезжал автомобиль «Жигули», то ли первой, то ли одиннадцатой модели и, кажется, красного цвета, но

этот след привел только к угнанной тем же утром машине, которую обнаружили брошенной во дворах у метро «Купчинская». Оставалось ждать, потому что очевидно было, что этот рейд у налетчиков не последний, а может быть, и не первый.

И точно. Через два месяца, 22 апреля, в воскресенье, эта же группа наведальась в гости к начальнику треста общественного питания Калининского района Леонову. В квартире на Светлановском проспекте они зашли, когда жена ответственного работника повезла дочку на занятия в секцию фигурного катания. На этот раз в ответ на резонное «Кто?» из-за двери грозно рывкнули: «Милиция!» — еще одно заклинание, в то время почти гарантированно открывающее все запоры. Дальше все шло по той же схеме: требование наличных денег, демонстрация «парабеллума», изъятие значки, сумму которой Леонов, после некоторых колебаний, оценил в пятьсот рублей, а наши консультанты из ОБХСС, с интересом наблюдавшие за злоключениями своих подопечных — в несколько десятков тысяч, и спокойный отход. Та же безупречная вежливость: «пожалуйста», «будьте добры», «мы будем вынуждены» и все такое. Тот же образ действия: двое заходят первыми, третий, судя по всему главный, стоит у стенки, засунув руки в карманы, и ведет переговоры. Единственное отличие — перерезанные провода у двух телефонных аппаратов и то, что Леонову не пришлось колотить по батареям: двери открыла жена, вернувшаяся домой через час. Ну и шарфы сменились косынками, повязанными на манер ковбоев с Дикого Запада. В деле, правда, появился четвертый: несколько случайных свидетелей заметили, как группа молодых людей садилась в машину, где их ждал водитель. Это знание тоже не стало находкой для следствия, как и марка, цвет и даже номер автомобиля, который угнали за несколько часов до налета. Преступная группа получила оперативное название «Вежливые люди», и их образ действия, послуживший причиной для выбора такого наименования, был пока единственной особой приметой.

Обычно чем длиннее серия, тем легче найти преступника. Это жестокое правило, особенно жестокое, когда речь идет о серийных убийцах или насильниках, но оно работает. Чем

больше эпизодов — тем больше информации для сыска и тем больше шансов на ошибку злодеев. Но в этом случае объем информации прибывал с трудом, а вот новый эпизод не заставил себя ждать.

На этот раз заявление от потерпевшего не поступало, а саму жертву разбоя пришлось везти в управление чуть ли не под конвоем.

От моего приятеля из спецотдела Кости Золотухина, тесно общавшегося со специфическим контингентом, пришла информация об ограблении широко известного в узких кругах валютчика Саша по прозвищу Нос, промышленявшего у «Альбатрос»¹. Сам Саша в милицию не спешил, но у Кости нашлись для него аргументы, и показания мы получили. История вышла занимательной.

Саша Нос жил на Охте, в очень скромной квартире, в хрущевке, с мамой-инвалидом. Свою состоятельность не демонстрировал, в ресторанах гулять на широкую ногу привычки не завел, передвигался на общественном транспорте и имел единственную слабость — дорогая одежда, хорошие пальто и костюмы, пошитые по индивидуальному заказу. 19 мая, в субботу, он возвращался домой как раз из ателье, где с него сняли мерку для новой пиджачной пары.

— Задумался, — объяснял он. — Погода хорошая, листочки распускаются, птички поют, настроение приподнятое. Вот и не обратил внимания.

А не обратил внимания Саша Нос на то, что в парадную за ним кто-то зашел — да и то сказать, мало ли, может, соседи. Не тревожным он шел. Поэтому полной неожиданностью стало, когда две пары сильных рук прижали его к стене рядом с дверью квартиры, а тихий, но твердый голос произнес негромко: «Александр, откройте, пожалуйста, дверь. И ведите себя благоразумно». Саша только выдавил в ответ, что дома больная мама, на что, после некоторого замешательства, ему ответили

¹ «Альбатрос» — в Ленинграде один из специализированных магазинов, принимавший к оплате иностранную валюту, чеки Внешпосылторга, или так называемые «боны». В основном предназначался для моряков гражданского и военного флотов, совершавших зарубежные командировки.

в том смысле, что маме ничего не грозит. И не обманули. Нос открыл дверь, и все вместе вошли в тесную полутемную прихожую. Из маминой комнаты доносился звук телевизора. Показывали «Очевидное — невероятное». «Мама, я с друзьями!» — крикнул Саша, стараясь, чтобы голос не особо дрожал, и под аккомпанемент маминого голоса, призывавшего к угощению и гостеприимству, быстро и без дополнительной мотивации в виде «парабеллума» отправился за деньгами. Сумму похищенного Саша Нос цинично обозначил в пятьдесят рублей, так что об истинном размере добычи можно было только догадываться.

История эта стала не очень хорошей новостью: она означала, что «вежливые люди» переключились на откровенно преступную публику. Во-первых, это снижало почти до нуля вероятность получения заявления от потерпевших; а во-вторых, учитывая особенность контингента, разбойникам почти наверняка рано или поздно должны оказать сопротивление, и тогда «парабеллум», как чеховское ружье, непременно выстрелит, и в деле появятся трупы. Так оно в итоге и вышло.

Собственно, только благодаря этому выстрелу мы и узнали об очередном налете. На сообщение об огнестрельном ранении вызвали «Скорую помощь», врачи моментально передали информацию районным оперативникам, а те, оценив обстоятельства и ситуацию, сообщили в главк.

На этот раз налетчики наведались в катран¹ на Желябова, который держал некий Алик, человек известный и уважаемый, с лысой, как бильярдный шар, головой, пышными усами и пальцами, на которых золотые перстни перемежались с татуированными печатками, являвшими впечатляющий консpekt долгой и пестрой преступной карьеры.

Случилось это тихим летним утром 22 июня, ровно в четыре часа. Судя по всему, «вежливые люди» следили за парадной, дождались конца игры в буру², потом поднялись на пятый этаж и позвонили в дверь. Трудно сказать, какое вол-

¹ К а т р а н (*жарг., устар.*) — нелегальное, подпольное заведение для игры преимущественно в карты.

² Б у р а — карточная игра, иначе называемая «тридцать одно».

шебное слово было припасено у них на этот раз, потому что сам Алик считал свой гешефт, сидя за заваленным наличностью круглым столом под абажуром, а открывать пошла его женщина Лора, которая после бессонной ночи и изрядной дозы кокаина проявила беспечность и просто отворила дверь, не спросясь. Разбойники забежали внутрь, но дальше дело пошло не так гладко. На квартире оставался один из игроков, Юра Седой, сам лютый налетчик из Новосибирска, находящийся во всесоюзном розыске. Он изрядно проигрался в ту ночь и запивал горечь поражения коньяком, коротая время за разговорами о превратностях блатной удачи, этой коварной ветреницы, которая, только что изменив ему, решила не останавливаться на достигнутом. Когда в комнату, бесцеремонно втолкнув внутрь опешившую Лору, ворвались «вежливые люди», жизненный опыт и крутой нрав не дали Седому безропотно сделать из себя потерпевшего, и в дело пошел увесистый венский стул, каковым Юра и запустил в стоявшего, по обыкновению, в стороне лидера группы. Позже Алик давал показания о происшествии со вкусом и даже весело, как будто рассказывал свежий одесский анекдот:

— Вы Юру видели? Это же зверюга размером с рояль, белый медведь и снежный человек в одном лице! Он его стулом — а тот даже рук из карманов не вынул, только чуть отклонился так быстро, как кобра. Стул летит в горку, стекла — вдребезги, полки — вдребезги, антиквариат, хрусталь — вообще все вдребезги! Один крикнул, как предупредил: «Замок!» — и тут второй бах — и выстрелил, точно в бедро. Кровь фонтаном! Юра упал, рычит, Лорка — в обморок, халат распахнулся, лежит, в чем мать родила, порохом завоняло, а я сиду за столом, смотрю на все это и только думаю: кого они теперь первым кончат, меня, Юру или Лорку?

Но дальше произошло удивительное. Один из налетчиков мгновенно присел рядом со стремительно бледневшим Юрой, ловко распорол складным ножом брюки, и наложил жгут на пробитую бедренную артерию так быстро и споровисто, что Седой даже сознание потерять не успел. Конечно, в сложившейся ситуации никто дальнейших переговоров не вел и заначки открывать не просил: разбойники просто

сгребли со стола все, что там было — по некоторым оценкам, могло быть тысяч сто, а то и побольше, — подобрали с пола стреляную гильзу и скрылись в утреннем тумане на угнанном той же ночью «ушастом» «Запорожце» вызывающе лимонного цвета.

Прозвучавшая кличка Замок вначале вызвала у сыска прилив оптимизма, впрочем, очень скоро угасшего. При всей простоте она встречалась нечасто и, в принципе, если поразмыслить, была какой-то нелепой: ну что за Замок такой? Проведенный поиск дал всего двух фигурантов с такой «погремухой»: один — шнифер¹ старой закалки, отбывающий шестой срок в омской колонии, и некто Замоскворецкий, мелкий мошенник, убитый в прошлом году в пьяной драке в Мытищах. И все.

Иногда на детективные романы и фильмы сетуют из-за того, что там процедуры следствия показаны очень упрощенно. Я тоже порой ворчу по-стариковски, но понимаю, что если показывать все, как оно есть, то получится сериал из сотни, а то и тысячи серий, который никто не будет смотреть. Встречали когда-нибудь в криминальных новостях такие сообщения: «Подсудимый начал знакомиться с делом, составляющим сорок томов»? Сорок томов! И это еще не выдающийся объем. Все материалы осмотра мест происшествия, экспертизы, протоколы допросов — как вы думаете, сколько свидетелей было опрошено по делу «вежливых людей» на начало августа? Почти четыре тысячи. Жильцы окрестных домов, дворники, прогуливающиеся во дворах собачники, домоседы-пенсионеры, сторожа гаражных кооперативов, откуда были угнаны автомобили, владельцы этих автомобилей, осведомители, осужденные, отбывающие сроки по аналогичным преступлениям. Добавьте к этому отработку друзей и знакомых по записным книжкам потерпевших, поиск возможных наводчиков: метрдотели, спекулянты, ювелиры, портные, таксисты — в Ленинграде было не так много способов потратить шальные деньги, — и объем пересекающихся контактов тех, кто мог

¹ Ш н и ф е р (*жарг., устар.*) — взломщик высшей категории, специализирующийся на сложных квартирных замках и сейфах.

поставлять информацию, составлял сотни и сотни имен. Я это говорю затем, чтобы вы поняли — работали мы всерьез, на совесть, потому как «вежливые люди» были бандой, причем прекрасно организованной, вооруженной, а значит, опасной: в другой раз выстрел из «парабеллума» мог стать для кого-то смертельным. Мы ждали и боялись такого исхода. Нам не хотелось, чтобы они превратились в убийц.

Что ни говори, а очень сложно отделять в нашем деле личное от профессионального. Когда ловили шайку разбойников и убийц Короленкова, все причастные к делу работали без выходящих, а после того как на пятом налете бандиты вырезали целую семью вместе с семилетней девочкой, так и спать перестали. Мы знали, что ищем, простите уж за громкое слово, опасных зверей, и когда самого Короленкова застрелили при задержании — восемь пуль, одно посмертное ранение в ногу, — никому из начальства и в голову не пришло устраивать проверки с пристрастием. Если бы при налетах «вежливых людей» пролилась кровь, то ни о каком моем отпуске и путевках и речи бы идти не могло. Но пока эти ребята вызывали невольное уважение. У них был свой шарм, стиль, как у благородных разбойников: вот эта подчеркнутая корректность, четкость исполнения, стремление избежать насилия, отсутствие глупой жадности, которая вынуждает обычных грабителей хватать все, что кажется ценным, а потом попадаться на продаже. Случай на катране у Алика и вовсе был из ряда вон: стреляли не на поражение, оказали первую помощь, а потом сами еще и медиков вызвали из телефона-автомата, хотя очевидно было, что это не в их интересах — Юра Седой лучше дал бы себе ногу отрезать или вовсе помереть согласился, чем, находясь в розыске, обратился с такой раной к врачам, и о налете, скорее всего, никто не узнал бы, причем о налете, который дал следствию пистолетную пулю, невольно произнесенную кличку и новые штрихи к портрету подозреваемых. И еще — вы обратили внимание на даты?

— День Советской армии, день рождения Ленина, начало Великой Отечественной... только вот что такое 19 мая, не помню.

Адамов одобрительно покивал.

— Ясно, что учились в советское время, только кое-что подзабыли. День рождения пионерской организации, вот что. И в этом выборе дат нам виделось какое-то послание, некая робингудская революционная идея, которая не могла не импортировать. Служба в милиции — работа тяжелая и грубая, пролетарская, можно сказать, в самом лучшем смысле этого слова. Что-то между войной и уборкой мусора. Мизантропические эстеты со скрипками и яйцеголовые умники с холеными нафабранными усами тут не приживутся. Нужна уличная закалка, умение бить и держать удар, привычка драться со шпаной — и чтобы шпана, увидев тебя по другую сторону стола для допросов, это чувствовала и понимала. Я был оперативником уголовного розыска, рабочим классом службы правопорядка, а рабочему классу сложно питать сочувствие к публике, у которой рыльце не то что в пушку, а в щетине по самые брови, а еще трудно убеждать себя, за сто пятьдесят рублей в месяц разгребая человеческие нечистоты, что закон должен защищать спекулянтов и вороватых товароведов, к которым сбегают невесты.

Адамов замолчал, отвернулся и стал смотреть в окно. Зазубренные черные силуэты огромных елей стремительно пронеслись мимо окна, как тени воспоминаний.

— Вы про Рубинчика начинали рассказывать, — напомнил я.

— Ах, да. Боря. Человек пестрой судьбы. Из семьи ученых, квартира в «академическом» доме осталась еще от деда, который участвовал в разработке не то первых атомных станций, не то космических кораблей. Окончил факультет журналистики, отслужил срочную в войсках связи, а потом понеслось: был корреспондентом молодежной газеты, ездил на целину, трудился в геологической партии на Крайнем Севере, пару лет зачем-то работал лаборантом в Пулковской обсерватории, пока не нашел себя в нелегальном бизнесе. Начинал как фарцовщик, а к тридцати восьми годам стал персонажем почти краеведческим: имел две подпольные пошивочные мастерские, где в три смены строчили, кроме прочего, фальшивые Lee, Levis и Montana, и налаженные каналы поставки из-за границы оригинальных вещей этих и многих других марок,

а также элитного алкоголя, порнографических журналов, видеокассет с боевиками и фильмами ужасов, ментоловых сигарет — в общем, всего, чем империалистический Запад коварно прельщал уставших от вынужденной аскезы советских людей. И оперативники шестого отдела уголовного розыска, и сотрудники второго главного управления КГБ разрабатывали Борюсика не первый год, но его системы поставок и сбыта были отлично организованы, исполнители при задержании упорно отмалчивались, и оснований для ареста не находилось.

«Вежливые люди» навестили Рубинчика в четверг, 2 августа, ранним утром, когда Боря еще не очухался ото сна: он был полуночником и обыкновенно спал допоздна. Глазка на дверях в старом доме не имелось — когда его строили, они были попросту не нужны. Суровый мужской голос представился новым начальством из жилконторы, где Боря, как водилось в то время у людей подобного рода, был оформлен дворником на полставки, чтобы не подставляться под уголовную статью о тунеядстве. Дверная цепочка, которую Рубинчик все-таки накинуд осторожности ради, не выдержала мощного удара плечом и была вырвана из деревянной притолоки вместе с креплениями и шурупами. Сначала все шло по обычному сценарию: «парабеллум», тактичное изъятие денежных средств, обрезание телефонного провода, и Боря уже готовился распрощаться с непрошеными гостями, как один из них заметил картину, висевшую над кроватью в спальне.

— «Беломорская гавань» Коровина, — пояснил позже Рубинчик. — Оригинал, от деда осталась.

Это был первый случай, когда налетчиков заинтересовало что-то еще, кроме денег. Как всякое исключение, он заслуживал особого внимания и, как любой сбой в отлаженной системе, привел к драматическим последствиям.

Один из разбойников, тот, что с «парабеллумом», увидел картину через неплотно притворенную дверь спальни — и, судя по всему, смог оценить увиденное с первого взгляда. Характерно, что массивная икона Казанской Богоматери в тяжелом темном киоте никакого внимания грабителей на себя не обратила; потом, уже задним числом, когда следственная группа с экспертами работала на месте происшествия, выяс-

нилось, что икона эта, пусть и вековой давности, серьезной художественной ценности не представляет, в отличие от коровинского оригинала. Очевидно, что стрелок с «парабеллумом» не чужд был искусствоведческой науке, а потому, едва взглянув издали на «Беломорскую гавань», молча толкнул дверь, вошел, без церемоний влез ботинками на разобранную постель, еще хранившую уютное тепло мирно спавшего Бори, и потянулся к картине.

— Нет, — коротко сказал лидер группы, по обычаю стоявший у двери, засунув руки в карманы.

Но в этот раз абсолютная дисциплина и слаженность действий дали трещину: стрелок молча стащил-таки со стены картину. Замок сделал шаг вперед, и кто знает, чем бы кончилась эта мизансцена, если бы за картиной не обнаружился сейф.

Конечно, о банде, которая грабит нечистых на руку «белых воротничков» и подпольных дельцов, знали не только сотрудники милиции. Известно было, что они не применяют физического насилия и берут только то, что жертвы отдают добровольно; я лично уверен, что Саша Нос, при всей своей любви к маме, точно не выдал последнего, да и перепуганные Семенцов и Леонов, пусть и не обладавшие уголовной закалкой, тоже могли не раскрыть всех заначек. Предусмотрительный Боря, как и многие другие его коллеги, отложил в сторонку некую сумму, достаточную для того, чтобы откупиться при случае, так что обнаружение сейфа стало неприятным сюрпризом.

— Борис Леонидович, откройте, пожалуйста, — вежливо попросили его.

Но Борюсик уперся.

— Сейф старый, пустой, ключ потерял, шифра не помню.

Возникло секундное замешательство, а потом Боря получил страшный удар под дых. Было ли этого достаточно, или налетчики привели ему еще несколько убедительных аргументов — неизвестно, но сейф Рубинчик в итоге открыл. Когда человека бьют, очень быстро обнажается его внутренняя сущность и проявляется, кто он на самом деле есть, а Боря был не идейным блатным и не засиженным уголовником, а мальчиком из интеллигентной семьи и ловким барыгой. Так что сейф

распахнулся, и его содержимое покинуло «академический» дом вместе с пейзажем Коровина, бережно завернутым в газету и перевязанным бумажной веревкой.

Я тогда решил, что именно обидная потеря семейной реликвии заставила Рубинчика обратиться в милицию с заявлением, что в его положении было поступком по меньшей мере парадоксальным. И его слишком заметное волнение тоже списал на стресс от пропажи картины. Боря аккуратно вписал «Беломорскую гавань» в очень короткий перечень похищенного, обозначил сумму денежных средств в тысячу рублей, проигнорировав шутки о том, сколько же нужно работать дворником на полставки, чтобы скопить такую сумму; был слишком оживлен, слишком много вертелся на стуле, пытался хохмить, угощал всех клубничной жвачкой «Адамс», запах которой неделю потом не выветривался из отдела — но видно было, что он весь на нервах.

Я не знал тогда, что Рубинчик не просто волновался, а напуган был до смерти.

ГЛАВА 2

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ МНОЖЕСТВО

На работе меня ожидал сюрприз. Я едва успел скинуть пиджак, усесться за стол и опустить кипятыльник в стакан, как зазвонил телефон.

— Товарищ капитан, к полковнику Макарову, срочно.

Я вздохнул, выключил кипятыльник и отправился в кабинет к руководству, прикидывая в уме, что рассказать о своей последней встрече с Борей Рубинчиком.

Иван Юрьевич Макаров сидел за столом с выражением лица человека, который знает, что виноват, но еще не до конца понял в чем. Свои полковничьи погоны он заслужил честно, дело знал, но годы нервной начальственной службы, в которой соблюдение правил игры, постоянно меняющихся от года к году, порой было важнее реальных результатов ра-

боты, и прошедшие в последнее время масштабные чистки личного состава, во время которых половина, а то и больше, его товарищей и коллег были уволены без сохранения выслуги лет, наложили на него свою скорбную печать. Самому Макарову до ухода на пенсию оставалось два года, и он хотел просто спокойно отбыть их, без потрясений и стрессов, чтобы отправиться на заслуженный отдых, к тихим радостям рыболовства, кроссвордов и домино. Сейчас под линией чуть тронутых сединой поредевших волос у него выступили капельки пота, шея над форменным галстуком побагровела, и выглядел он хуже и старше, чем Генеральный секретарь на изрядно отретушированном портрете в золоченой рамке, висящем у Макарова над столом. Еще две такие же рамки высовывались из угла за книжным шкафом.

— Здравия желаю, товарищ полковник! Вызывали? — бодро поприветствовал я.

— Проходи, Виктор Геннадьевич. Вот, товарищ Жвалов из Комитета госбезопасности. Хочет с тобой переговорить.

Формально в визите товарища Жвалова ничего необычного не было, но приятной беседы ожидать не приходилось. После окончательной и разгромной победы, одержанной в истине эпической схватке двух сверхгигантов, КГБ и МВД, сотрудники госбезопасности курировали почти все более или менее значимые милицейские дела, не утруждая себя лишними церемониями и процедурами, усвоив священное право победителей приказывать, вязать и решать. Мы понимали, что в конечном счете делаем общее дело, но чувствовали себя то крестьянской пехотой при конных рыцарях в недосыгаемо сверкающих латах — это если повезло с куратором из Комитета, а то и вовсе жителями оккупированной территории, живущими в ожидании распоряжения идти за околицу и начинать копать ров. Дело «вежливых людей», несомненно, было значимым: в потерпевших фигурировали расхитители, валютчики и спекулянты, бандиты намекали на что-то, выбирая для нападений дни и даты государственной важности; но самым неприятным была крепнущая уверенность в том, что к действиям преступной группы причастны сотрудники милиции, а то и вовсе банда из них и состоит. Случай на ка-

тране у Алика показал, что налетчики не просто умеют, но и привыкли обращаться с оружием, причем специфическим образом: выстрелить именно в ногу в критической ситуации куда сложнее, чем жахнуть на поражение в грудь или живот. Добавить к этому умело оказанную первую помощь, прекрасную организацию и дисциплину, отличную информированность об уголовных элементах, понимание психологии жертв и тех, кто ведет расследование, — и выводы напрашиваются едва ли не однозначные. Это создавало некоторую напряженность как между отделами, так и в отношениях с куратором из Комитета, хотя своему я бы свечки ставил в церкви за здоровье и молился еще, будь я верующим. Звали его Пегов, в дело он не лез, внезапными появлениями не пугал, спокойно принимал от меня рапорт раз в неделю, вежливо благодарил и исчезал до следующей среды. Золото, а не человек. И вот пожалуйста, Жвалов какой-то.

Он сидел за столом для совещаний спиной к двум большим окнам, и утреннее солнце, пробивающееся сквозь дымные облака, окружало его туманным светящимся ореолом. Средних лет, стрижка под бокс, мохнатые брови, мощные челюсти и подбородок настолько суровый, что им можно было бы колоть кирпичи. Несмотря на жару, одет в громоздкий серый двубортный пиджак, ворот рубашки туго схвачен широким узлом галстука. Большие руки с толстыми сильными пальцами сложены перед собой на тонкой кожаной папке.

Я сел напротив. Жвалов насупился и молча смотрел на меня. Может быть, ждал, что я сразу сознаюсь в измене Родине и шпионаже.

— Товарищ Жвалов, это капитан Адамов, руководитель оперативной группы, работающей по «вежливым людям», — представил меня полковник.

— Не очень много пока наработал, — отрубил Жвалов, мгновенно определив и дальнейший характер общения, и уровень моей заинтересованности в сотрудничестве. — Подполковник Жвалов, первое главное управление Комитета государственной безопасности, управление «К».

— Чем могу быть полезен контрразведке, товарищ подполковник? — поинтересовался я.

— Полезен — это слишком громкое слово в данном случае. Он дал мне пару секунд, чтобы осознать сказанное, и продолжил:

— По делу о смерти Рубинчика будешь докладывать мне лично. Все материалы от второго отдела, протоколы, экспертизы я уже запросил. Все, что будет появляться нового, вот сюда. — Он постучал толстым пальцем по папке. — В случае появления любой информации — звонить немедленно.

— Насколько мне известно, — осторожно возразил я, — никакого дела о смерти еще нет. Причина не установлена. Да и потом, для меня Рубинчик — потерпевший в эпизоде разбойного нападения, так что...

— Не умничай, капитан, — перебил Жвалов. — Тебе не к лицу. Еще раз: незамедлительно докладывать обо всем, что ты или твои друзья нароете в отношении этого спекулянта, неважно, по факту смерти или в рамках расследования разбоя. Ясно тебе?

— Предположим, это понятно...

— Приятно удивлен.

— Предположим, это понятно, — невозмутимо продолжил я. — Означает ли это, что я больше не должен рапортовать о ходе расследования майору Пегову?

— Адамов, не прикидывайся дурнее, чем есть! — повысил голос Жвалов. — Пегову — Пегову, полковнику, — он кивнул на Макарова, — то, в чем ты перед ним должен отчитываться. Меня интересует только Рубинчик и все, что с ним связано. Доступно изложил?

Я посмотрел на Ивана Юрьевича. Тот кивнул и с тоской посмотрел в угол, откуда высовывались кромки портретов почивших генсеков.

— Так точно, предельно доступно.

— Вот и молодец. Может, в майоры выйдешь. К пенсии.

Жвалов встал, проигнорировал протянутую было руку поднимавшегося со стула Макарова и зашагал к дверям.

— Да... — Он обернулся. — И побрейся, Адамов. А то выглядишь, как...

Метафора не находилась, поэтому Жвалов только обвел свирепым взором кабинет, рыкнул что-то и вышел.

— Это оперативное прикрытие! — крикнул я ему вслед, но дверь уже с треском захлопнулась.

Я подождал, пока уляжется пыль, и вопросительно посмотрел на Макарова. Полковник закряхтел, ослабил узел галстука и страдальчески посмотрел на меня.

— Ну что, Витя?

— Позволю себе полюбопытствовать, товарищ полковник, что это было?

— Витя, все же сказано тебе. Отчитываться лично по Рубинчику. Вот, перепиши телефон, он оставил.

— А почему не через вас?

Макаров поморщился.

— Сказал, что пока мы тут, в уголовном розыске, будем друг другу информацию передавать, время уйдет. Куда оно уйдет и зачем — не объяснил. И в чем интерес к Борюсику, земля ему пухом, тоже не рассказал. Это же контрразведка, Витя. Одни секреты, которые лучше и не знать, а то оглянуться не успеешь — а уже на Литейном сидишь и показания даешь. Признательные. К тому же ты знаешь, какая сейчас у них обстановка.

Обстановку я знал.

Пять дней назад, 8 августа 1984 года, по запросу КГБ СССР был внезапно и практически полностью закрыт выезд из страны «всем категориям граждан, отбывающим в экскурсионные поездки, на отдых, обучение и по иным нуждам за рубеж, кроме дипломатических работников от 2-го класса и выше, а также лиц, чья служебная деятельность связана с обеспечением безопасности или экономических интересов Советского Союза». И так не особо бурный ручеек граждан, отправляющихся за границу, иссяк почти полностью; «Интурист» принимал обратно путевки, театры и творческие коллективы отменяли гастроли, научные работники с сожалением оповещали иностранных коллег о своем отсутствии на конференциях и симпозиумах. В официальном сообщении в газетах, по радио и телевидению это объяснялось необходимостью особых мер для обеспечения безопасности проведения игр «Дружба-84» в ситуации беспрецедентной международной напряженности — то есть не объяснялось никак, что в очередной раз дало гражданам возможность поупражняться в домислах, выдавае-

мых друг другу за истину («приятель работает в Комитете, так вот он сказал...»), и еще пристальнее вслушиваться в ночной шепот вражеских голосов, которые, впрочем, на эту тему по-малкивали, добавляя интриги.

Утром 9 августа весь личный состав сотрудников уголовного розыска в должности от заместителя начальника отдела и выше собрали в актовом зале; как стало известно, такие же мероприятия прошли во всех структурных подразделениях МВД по всей стране. На трибуну поднялся человек непримечательной внешности, означенный как «представитель Комитета государственной безопасности», который отчасти прояснил ситуацию. До всех присутствующих — а через них и до отсутствующих — сотрудников была доведена особой важности ориентировка на поиск и немедленное задержание двух человек. Пара была примечательной: Ильинский Савва Гаврилович, 1949 года рождения, старший научный сотрудник НИИ связи ВМФ СССР, рост 178 сантиметров, среднего телосложения, волосы русые, глаза серые, может носить бороду, без особых примет и все прочее, как обычно. На листке с синим уголком — так помечались запросы по линии госбезопасности — было две вполне пристойного качества фотографии: чуть вытянутое лицо, тонкий нос, высокий лоб, отрешенный взгляд, только на одной искомый научный сотрудник был гладко выбрит, а на другой — с длинными волосами и бородой, что делало его похожим не то на обитателя «Сайгона», не то на готовящегося к рукоположению семинариста. Зато второе описание было крайне скудным: женщина, на вид 18–22 лет, рост примерно 160–165 сантиметров, худощавого телосложения, волосы светло-рыжие, глаза голубые, без особых примет. И довольно сомнительного качества фоторобот, узнать по которому реального человека было бы затруднительно.

Листовки с синим уголком в потребных количествах были направлены во все линейные отделы милиции, а вечером того же дня их черно-белые копии висели на каждом газетном стенде в городе, на вокзалах, автобусных станциях и в аэропорту с лаконичной формулировкой «разыскиваются» без указания причин. Такие же объявления показали по каналу

Ленинградского телевидения, а 10 августа их демонстрировали уже по всем трем телевизионным каналам не меньше четырех раз в день.

Основной груз ответственности перед Комитетом принял на себя по ключевому профилю деятельности пятый отдел, который бросил искать пропавших без вести, алиментщиков и устанавливал личности неопознанных трупов, сосредоточив все силы на розыске канувшего куда-то ученого и таинственной рыжей девицы. Прочих подразделений это коснулось в меньшей степени, разве что у постовых и участковых появился благовидный предлог не торопиться с исполнением просьб уголовного розыска, мотивируя это проверкой сигнала по приоритетной ориентировке. Сигналы действительно шли в количестве, достаточном, чтобы на дежурство по городу пришлось ставить усиленные смены операторов. Подозреваю, что большинство звонков поступало от граждан, не уехавших в Прагу или на Золотые Пески.

Я заварил чай в стакане и попытался было прикинуть, как может быть связан Рубинчик с управлением контрразведки, и имеет ли к нему отношение пропавший ученый, и почему в разгромленной комнате остался нетронутый угол, и чего испугался Цезарь, но сказывался ранний подъем, да и Жвалов немного выбил из колеи, поэтому я скоро оставил свои попытки и просто пил чай, глядя в окно на сквер военного госпиталя через дорогу и деревья, понуро встречавшие жаркий день, укутавшись в тяжелые зеленые кроны.

* * *

После обеда ко мне зашел Костя Золотухин и предложил сходить вечером в «Вислу».

— Пропустим по кружечке, посидим, поболтаем. Лады?

Лучшего завершения дня, начавшегося в пять утра с мертвого Бори и продолжившегося знакомством с товарищем Жваловым, и придумать было нельзя.

Я съездил домой, отдал отцу ключи от машины, сменил пропотевшую и пропахшую за день дымом рубашку, побрился и пешком отправился к метро.

«Висла» располагалась в угловом доме на пересечении улицы Дзержинского¹ с набережной Мойки и в то время считалась одним из самых приличных пивных баров: там были гардероб, столы, за которыми можно сидеть, неплохой выбор закусок, даже официанты и, как следствие, постоянная табличка на двери «Мест нет», что на практике означало входную плату гардеробщику от рубля до трешки, в зависимости от дня недели и времени суток. Впрочем, для Кости места находились всегда, и не только в «Висле», а и в заведениях посolidнее на всем протяжении Невского проспекта и в его окрестностях. А вот, кстати, и он сам: модная цветная рубашка с длинным воротником, манжеты подвернуты, на руке рубиновым блеском сияют часы Seiko с граненым стеклом и автоматическим подзаводом, фирменные темные очки-«капельки», удлиненные волосы закрывают уши — в общем, выглядел Костя не как сотрудник органов правопорядка, а как один из своих подопечных.

В специальный отдел ГУВД, который занимался раскрытием преступных посягательств на иностранных граждан, а проще — контролировал всю криминальную грядку в окрестностях Невского проспекта, от карманников и фарцовщиков до ломовщиков и кидал, Костя перевелся три года назад. А начинали мы вместе. Он был хороший, толковый оперативник, хотя продвижению по службе мешали серийные браки: у Кости только официальных их было три, сейчас он жил с женщиной, у которой от двух прошлых мужей осталось то ли трое, то ли четверо детей, но Золотухина это не смущало, потому что, по некоторым признакам, останавливаться на достигнутом он не собирался и возможностей разнообразить личную жизнь не упускал, что, согласно существующим правилам игры, для советского милиционера и комсомольца было вовсе недопустимо. Три с лишним года назад Костя нарвался на нож: отправился проверить оперативную информацию о местонахождении разбойника, который к тому времени уже совершил три нападения — все на молодых девушек, все

¹ Улица Дзержинского — ныне Гороховая улица в Санкт-Петербурге.

сопряжены с ножевыми ранениями и все — ради грошовой добычи. Личность злодея установили довольно быстро, как и место жительства матери, где тот был прописан. Костя пошел проверить адрес один, даже местного участкового не позвал — никто и подумать не мог, что тип, изувечивший ради нескольких рублей троих молодых девчонок, преспокойно сидит дома у мамы. Он сам и открыл дверь, и пока Костя шел на него в узком полутемном коридоре, произнося обыкновенное: «Лейтенант милиции Золотухин, гражданин, предъявите документы», полоснул его финкой по глазам. Костя успел отвернуться, но бритвенно острое лезвие срезало ему верхнюю часть правого уха, а второй удар пришелся в низ живота — классическая комбинация ударов для персонажей, учившихся обращаться с ножом не в спортзале. Каким-то чудом Золотухин сумел оттолкнуть злодея, вытащить пистолет и прострелить тому сначала колено, а потом, для верности, и правое плечо. По итогам этого не совсем эталонного задержания Костя получил благодарность с занесением в личное дело, пятьдесят рублей премии, шрам в почти интимной области, отрезанное ухо и предоставленное согласно поданному рапорту право ношения длинных волос, прикрывающих увечье. Возможно, по этой причине, а может, из других соображений, он почти сразу перевелся в специальный отдел, считавшийся местом привилегированным: публика, продающая интуристам под видом черной икры подкрашенную пшеничную кашу, с ножом на милицию не бросается, а вот договариваться готова. Договариваться Костя умел прекрасно, был сообразительным и быстро принял правила иной игры, где успех измерялся не звездочками на погонах, а умением маневрировать в той «серой» зоне, которая образовалась между ранее непримиримыми позициями правопорядка и организованной преступности. Я, с одной стороны, его не осуждал: в конце концов, он не насильников отмазывал от суда, а просто поддерживал паритет с теми, кто занимался вещами не более предосудительными, чем многие ответственные товарищи из партийного руководства, — но и не поддерживал его выбор. Компромисс — хорошая штука в семейной жизни, но с него же начинается гибель империй.

Оформленный на ставку гардеробщика спортсмен на «в-
ротах» «Вислы» просиял широкой улыбкой:

- Здравствуйте, Константин Константинович!
- Привет, Женья! Что, столик мой свободен?
- А как же!

В «Висле» висел приятный пивной дух, табачный дым и негромкий, сдержанный гул голосов. Ленивые вентиляторы под низким потолком гоняли застоявшийся теплый воздух. Ряды бутылок за стойкой приветливо подмигивали отражением огоньков в полумраке. Мы уселись за стол в самом дальнем и самом темном уголке зала, взяли по паре «Адмиралтейского» с «прицепом» в сто граммов, соленой хлебной соломки и копченой скумбрии. Я бережно сдул пену и с наслаждением сделал несколько длинных глотков холодного горьковатого пива. В голове сразу же прояснилось. Потом мы помянули Борю Рубинчика, закусив скумбрией «прицеп» из «Пшеничной».

- Твои знают уже? — спросил я Костю.
- Конечно, — отозвался он. — Слухами земля полнится.
- Что говорят?

Он вздохнул.

— Ну а что тут сказать? Большинство считает, что Боря сам себя порешил. Не выдержал потрясения.

— А меньшинство?

— Ну, фантазеров всегда хватает. Кто-то говорит, что его те же самые налетчики убили: узнали, что он им не все отдал, и вернулись за тем, что в первый раз не взяли. Ну и замучили до смерти.

— Не выдерживает никакой критики, — заметил я.

— Да знаю я. Но это же слухи. Вот Аркаша Котик, валютчик такой с Рубинштейна, вовсе считает, что Борюсика агенты госбезопасности замочили. И что за ним самим незримо следят с помощью новейших волновых технологий.

Мы посмеялись и выпили еще по одной. Потом, уже под «Мартовское», я рассказал Косте о визите товарища Жвалова.

— Да, интересно, — задумчиво прокомментировал мой приятель. — Какая-то нездоровщина вокруг бедняги Бори творится. Кстати, если уж заговорили... Ты Пекарева знаешь?

— А как же.

Да и кто же его не знал в Ленинграде. Толя Пекарев был тем человеком, который еще во второй половине 70-х начал, а к моменту описываемых событий уже практически завершил процесс установления контроля над всей некогда слабо организованной вольной тусовкой жуликов Невского проспекта. В далекие и романтические годы хрущевской оттепели фарцовка и прочий связанный с иностранцами сомнительный промысел были какой-то революционно-бунтарской формой общественного протеста, когда в большей степени важны были не деньги — хотя и деньги, само собой, — а образ жизни, яркий, рискованный, иной, чем у большинства, который всегда представляется молодым пассионариям унылым и серым. Фарцовщики были стилистами капитализма, у иностранцев выменивали на копеечные сувениры с советской символикой пластинки Beatles и Элвиса Пресли, вились вокруг автобусов «Интуриста», замирая от сладкого страха и прячась от сопровождающих особистов, как шкодливые школьники от строгих учителей, тратили выручку на девочек, рестораны и внешнюю атрибутику того манящего призрака, что называется красивой жизнью. Потом времена изменились, денег стало больше, дела — серьезнее, нравы — круче, и пришло время, когда суровая система неизбежно приходит на смену веселому хаосу. Архитектором этой системы и стал Пекарев. Сам родом откуда-то из Карелии, кажется, из Кыдыжмы, мастер спорта по самбо, бывший чемпион СССР, он собрал вокруг себя тех, в честь кого еще несколько лет назад играл государственный гимн на международных спортивных соревнованиях и у кого теперь из видов на будущее были только работа тренером в подростковом клубе или должность школьного физрука.

Люди в своем большинстве охотно обменивают свободу на безопасность, стабильность и отсутствие необходимости самостоятельно решать проблемы. Довольно скоро Пекарев контролировал не только «центровых», но и вообще практически всех в городе, чей род деятельности был косвенно или прямо связан с иностранцами и поставками из-за границы. Его уважали, ему платили, на него работали, а он как мог поддер-

живал разнонаправленный хаос противоречивых интересов, амбиций, конфликтов и недоразумений в состоянии большего или меньшего стазиса.

— Само собой, знаю. А что?

— Тут такое дело... в общем, он хочет с тобой пообщаться.

— Вот как?

— Ну да. Мы тут пересекались с ним на днях, он интересовался, кто ведет дело «вежливых людей». Ну, я сказал, что ты человек уверенный, грамотный, с тобой можно иметь дело...

— Спасибо за рекомендацию.

— Да ладно тебе! А сегодня он сам мне позвонил, попросил, чтобы я организовал встречу.

— Зачем?

— Виктор, честно, я без понятия. Как-то связано с Рубинчиком, вот и все. Вроде бы у него есть информация по эпизодам, о которых нам не известно, что-то такое.

— Может, тогда мне его повесткой вызвать?

Костя кисло усмехнулся и развел руками.

— Как знаешь. Меня просто просьбу передать попросили — вот я и передал.

Он был моим другом, и я понимал, что по каким-то причинам для него было важно не только передать приглашение, но и выполнить просьбу Пекарева о встрече. Да и разговор с персонажем, прекрасно осведомленным о жизни и быте подледного Ленинграда, мог выйти полезным.

— Ладно. Когда и где?

— Он ждет тебя завтра утром у себя, в кафе «Три звезды», — быстро ответил Костя. — Знаешь, где это?

* * *

В десять утра жара стояла, как в солнечный полдень. Воздух был неподвижным и липким от влажной густой духоты. Сизое небо накрыло город, как плотная ткань, ветры замерли, ни дуновения, ни сквозняка, чтобы разогнать дымный жар, и пожилые деревья в старом парке дышали тяжело и со скрипом, не в силах стряхнуть пыль и копоть с темной зелени перезрелой августовской листвы.

Я вышел из вестибюля метро и словно шагнул в разогретый парник, который заботливый садовод вознамерился окурить дымом от вредителей. По широкому Московскому проспекту гремели трамваи, с тоскливым воем проползали троллейбусы, рейсовый желтый «Икарус», закашлявшись, выдал порцию удушающего угольно-черного выхлопа. Справа раскинулся Парк Победы; слева выстроились монументальные ряды семиэтажных «сталинских» зданий, похожих на ветеранов славной ушедшей эпохи: основательные, спокойные, неторопливые, знающие цену себе и своим достижениям.

Кафе «Три звезды» располагалось в угловой части одного из таких домов. Название было, что называется, обиходным: фасад над кафе некогда украшали три жестяные четырехконечные звезды, похожие на розу ветров, но ныне от них остались только темные силуэты на стене, как если бы эти звезды вспыхнули, взорвавшись сверхновыми, и навеки запечатлели на желтовато-сером камне свои призрачные тени. Вход с проспекта был закрыт, заколочен, стекла в двойных дверях замазаны белой краской, чтобы никому из случайных прохожих не вздумалось вдруг зайти сюда перекусить.

Заведение «Три звезды» предназначалось исключительно для своих.

Я перешел Московский проспект и обошел дом с торца. По правую руку виднелся монументальный памятник литератору, некогда задавшему вопрос «Что делать?», на который вот уже сто с лишним лет так и не нашлось удовлетворительного ответа.

Простая деревянная дверь без вывески была распахнута настежь. На небольшой заасфальтированной площадке напротив двери стоял отливающий перламутром темно-зеленый «Талбот Тагора». Двое мальчишек лет десяти открыли рты, замороженно разглядывая через окно приборную доску. Рядом с открытой дверью в кафе возвышался, привалившись к стене, здоровенный блондин в белой футболке с олимпийской эмблемой. Он лениво сжимал огромной ручищей резиновый кистевой эспандер, жевал жвачку и наблюдал за мальчишками из-под полуприкрытых век. Выглядел блондин как атлант, сбежавший из портика Эрмитажа: верных два метра ростом,

футболка натянута на плечах, каждое размером с мою голову, массивные бицепсы и грудь, как две каменные плиты. Я не вызывал у него ровным счетом никакого интереса, пока не направился к двери. Тогда он перевел на меня прищуренный взгляд и сообщил сквозь жвачку:

— Мест нет.

— Ничего, я постою.

Блондин отлепился от стенки и шагнул мне навстречу.

— Мужичок, ты глухой? Я сказал, мест нет, закрыто на спецобслуживание.

Он был на голову выше меня и тяжелее килограммов на тридцать. Я молча достал из нагрудного кармана рубашки удостоверение, раскрыл и сунул ему под нос. Атлант внимательно почитал, покачал головой и сказал:

— Извините, товарищ капитан, но мест все равно нет.

Даже если бы я ничего не знал о том, кто такой Пекарев, уверенности блондинистого охранника хватило бы, чтобы понять масштаб и размах: если паренек на дверях позволяет себе не пускать к хозяину капитана уголовного розыска, предъявившего служебное удостоверение, это значит, что сам хозяин периодически выпивает в сауне с генералами.

— Меня ждут, — сказал я.

— Кто?

— Дон Корлеоне. — Я толкнул его плечом в грудь и протиснулся в дверь, желая в глубине души, чтобы он попытался меня остановить. Но не сбилось.

Внутри был только один небольшой зал, весьма просто обставленный, без излишеств и роскоши: на стенах декоративная колючая штукатурка цвета морской волны, десяток круглых столиков на металлических гнутых ножках, рядом с ними такие же стулья с веселенькими желтыми сиденьями, справа короткая барная стойка с не особенно богатым набором бутылок на зеркальных полках. Только вентиляторы здесь, в отличие от ленивых пропеллеров в «Висле», крутились с завидным энтузиазмом, давая хоть какое-то подобие прохлады. За ближайшим столиком сидели два близнеца отважного хранителя входа: короткие стрижки, футболки едва не лопаются на мощных торсах — и смотрели малень-

кий черно-белый телевизор со складной антенной, стоящий на стойке. На экране два обаятельных мультяшных гангстера пели про сладкую жизнь:

Постоянно пьем чинзано,
 Постоянно сыто-пьяно,
 Держим в банко миллионо
 И плеванто на законо...

Пекарев расположился за столиком у окна. Рядом лежала рыжая пачка Camel и стояла миниатюрная чашечка кофе, которая в его руках казалась посудой из кукольного набора. На нем была салатового цвета рубашка с короткими рукавами и крошечной эмблемой в виде зеленого крокодила; русые волосы аккуратно причесаны на пробор, покатые сильные плечи борца и цепкий взгляд бывшего человека. Он увидел меня, улыбнулся и приветственно помахал рукой. Я подошел.

— Привет, — Пекарев поднялся и протянул руку. — Ты Витя?
 — Да.

Ладонь у него была сильной и жесткой.

— Толя, — представился он. — Садись. Что-нибудь будешь?
 Есть кофе отличный, у меня его по-турецки варят, на песке.

Я покачал головой.

— Мне воды и похолоднее.

— А чего-то покрепче?

Я задумался, вспомнил и спросил:

— «Курвуазье» есть?

Пекарев понимающе подмигнул, кивнул и крикнул:

— Паша! Сделай товарищу капитану «Курвуазье». И мне тоже плесни, за компанию.

За стойкой парень с ушами, которые как будто прожевал и выплюнул бультерьер, вынул откуда-то снизу округлую граненую бутылку, сверкнувшую, как бриллиант. Через минуту на столике появились два широких бокала с коньяком, два стакана, бутылка «Боржом» и блюдечко с лимоном, нарезанным мощной, старательной, но неумелой рукой. Я поднял бокал и вдохнул. Вальжанный насыщенный аромат закружил голову: пахло солнечными виноградниками, старой кожаной мебелью, гаванской сигарой и искусением.

Мы молча чокнулись, выпили и закусили безжалостно истерзанным лимоном.

— Костя сказал, ты тоже самбист?

— Занимался в молодости. На КМС сдал, мастера не успел получить, ушел в армию.

— Ясно. А за какой клуб боролся?

— За «Динамо».

— А сейчас занимаешься?

— Так, иногда, для себя. Толя, ты же не про спортивные достижения хотел со мной поговорить, верно? Давай ближе к делу.

Пекарев согласно кивнул.

— Верно, давай по делу.

Он покрутил бокал с коньяком, посмотрел в окно, взглянул на меня и сказал:

— Как ты догадываешься, речь пойдет про Борю Рубинчика. Он со мной работал.

Я молча ждал.

— У него из сейфа кое-что пропало.

Я достал сигарету. Пекарев лязгнул крышечкой золоченой бензиновой зажигалки, дал мне прикурить и закурил сам.

— Короче, Боря держал у себя общественные деньги. Не просто держал, а, можно сказать, управлял финансами коллектива: распределял, переводил в облигации, валюту покупал. На момент налета у него скопилась приличная сумма.

— Сколько? — спросил я.

— В долларах триста тысяч, и еще полтора миллиона рублями и облигациями, плюс-минус тысяч десять.

Я предполагал, что у Бори взяли немало, но таких сумм не мог и представить. В одно пекаревское «плюс-минус» укладывалась моя зарплата лет так за пять.

— За эти деньги можно убить десять Борюсиков, — заметил я.

Пекарев энергично замотал головой.

— Нет, это не мои, отвечаю. А никому больше Борю убивать нужды не было. Хотя вопросы у меня по этому делу есть, но другие. Первое — то, что он сам эти деньги отдал. Все же

знают, что в городе какие-то казачки нахлобучивают деловых. У Рубинчика специально на такой случай было двадцать тысяч отложено. Ладно, это, предположим, он объяснил: один из этих казаков-разбойников позарился на картину и сейф нашел, ну а Боря — не герой-партизан, да и деньги, даже большие, — не полковое знамя, чтобы за него умирать. Объяснение так себе, потому что, насколько я знаю, никогда раньше эти ребята ничего, кроме денег, не брали. Но допустим.

— Кто-то из ваших знал про сейф за картиной?

— Только если Боря сам сдуру кому-нибудь проболтался, что на него не похоже. Где сейф и есть ли он у Рубинчика в квартире, даже я не знал. Можно было бы предположить, что он спьяну какой-нибудь бабе про него рассказал, но такого точно не мог сделать тот Боря, которого я знал.

— Опыт показывает, что как раз те, кого мы хорошо знаем, могут удивить сильнее всего. Про первый вопрос я понял, но ведь есть и второй?

— Да, и непростой, я бы сказал. Примерно через неделю после налета дошла информация, что Боря по своим каналам активно интересуется возможностью срочно выехать за границу. Положение сейчас сам знаешь какое, КГБ закрыл все дыры, даже такие, о которых никто и не вспоминал уже годами. У нас все поставки остановились. Дошло до того, что несколько дней назад ко мне чекист приходил, бровастый такой, с челюстями. Жевалов, кажется. Разговаривал как со ссученным, приказал, чтобы, если в нашей системе координат появится этот пропавший ученый с девицей, я немедленно ему позвонил. Потом оказалось, что комитетские ко всем приходили, кто имеет какой-то вес в обществе и работает с границей. Ну, я не отказался, конечно. КГБ ни зла, ни добра не забывает, почему бы и не помочь Родине. И вот представь, что в этой ситуации Рубинчик начинает метаться, будто ему приспичило. В сочетании с очень странно пропавшими миллионами выглядит, мягко говоря, некрасиво. Ну, мы же не звери, допросов с пристрастием устраивать не стали, но наблюдение я поставил, чтобы, если он вдруг рванет куда-то с чемоданами, успели перехватить. Выделил на такое дело машину и пару

бойцов. Дальше — больше. В первую же ночь мой человек, который дежурил у дома Борюсика, заметил неприметную такую «копейку», которая стояла напротив него, по другую сторону входа во двор. И два человека в салоне. Ну, пока мой боец соображал, что по этому поводу предпринять и нужно ли вообще что-то делать, его тоже заметили: из «копейки» вышел какой-то мужик, не спеша подошел, попросил прикурить и так же спокойно удалился. Номер мой наблюдатель переписал. Комитетская машина.

— Почему?

— Потому что я попытался номера через ГАИ проверить — и не вышло, вот почему.

Я еще раз отметил про себя широту возможностей Пекарева и спросил:

— Мне запишешь номерок?

— Да, пожалуйста. Но на вторую ночь уже никто чужой за домом Рубинчика не следил, или просто боец мой не заметил. В ночь смерти Бори он тоже там был и вроде бы видел, как примерно в половине четвертого утра двое зашли во двор дома, но кто — не разглядел и даже почему-то не был уверен, что кого-то видел. Кажется, вышли из-под деревьев на противоположной стороне проспекта. Или нет. Но как они выходили обратно, он точно не заметил, а потом поднялась суматоха, милиция подъехала, ну и паренек мой тоже задерживаться не стал. Вот такие дела.

— Это все? — осведомился я.

— Да вроде.

— Тогда спасибо вам, товарищ Пекарев, от лица советской милиции за неоценимую помощь следствию. Я пошел, счастливо оставаться.

Я залпом допил коньяк, что по отношению к такому напитку было почти кощунством, будто наследную принцессу по заднице шлепнул, и поднялся. Пекарев усмехнулся.

— Ладно тебе, капитан, не спеши. Я еще не закончил.

Я снова сел.

— Слушай, Костя Золотухин сказал, что ты человек толковый. Он, кстати, о тебе очень хорошо отзывается и верит, что ты и это дело раскроешь, и «вежливых людей» найдешь.

Просьба у меня к тебе: когда будешь точно знать, кто это, шепни мне. Мы их потом тебе отдадим — арестовывай, под суд отдавай, но нам бы деньги вернуть. Понимаешь? За это дело готов заплатить два процента от суммы в рублях. Тридцать тысяч. Извини, дал бы больше, но не могу, деньги не только мои. Согласен?

Хорошая трехкомнатная квартира в новом кооперативном доме стоила тысяч десять-двенадцать. Еще за десять можно было взять новую «Волгу», а «Жигули» последней модели и все за шесть. В воображении ярко вспыхнули образы: триада советского счастья — квартира, машина и дача, Тонечка, рвущая светлые кудри и запоздало проклинаящая товароведа, а из красного уголка памяти рыкнул голос с мужественной хрипотцой: «Да ты, Копченый, и впрямь без ума! Чтобы Желлов твои поганые деньги взял!..»

— Обсудим, когда результат будет, — ответил я.

— Деловой подход, одобряю. А сам что думаешь про этих «вежливых людей»?

— Думаю, что кто-то из вашей среды наводки дает.

— Может, и так, среда-то гнилая, — согласился Пекарев. — А может, и из вашей, так сказать, среды. Как считаешь? В обществе есть мнение, что это милиционеры сами налеты устраивают. Очень уж все четко и гладко выходит. Знают много, все имена, адреса, обращаются по имени-отчеству, не уродуют никого. Одни грабят, а другие, например, их прикрывают в ходе расследования.

Взгляд у Пекарева стал холодным и твердым, как закаленный барочный гвоздь. Парень с переломанными ушами невозмутимо протирал стаканы за стойкой. В телевизоре капитан Врунгель уже завершил на сегодня свои похождения, звучала песня на титрах, а двое спортсменов за столиком продолжали молча смотреть в экран. Казалось, что они прислушиваются к чему-то или ожидают сигнала. Светловолосый атлант подпирал плечом дверной косяк, перекатывая во рту спичку и задумчиво глядя мне в затылок.

— Всякое в жизни бывает, — рассудительно ответил я. — Скажем, Боря могли замучить до смерти потому, что заподозрили в краже общественных денег, а когда поняли, что

ошибка вышла, обратились за помощью к милиционерам. Так, например.

Стало как-то особенно тихо. Все вокруг задержало дыхание. Пекарев рассмеялся.

— Ладно, Витя, давай, у меня тоже дела еще сегодня... Увидимся. Если что — звони в любое время, здесь у меня всегда кто-нибудь сидит, даже ночью, будет что-то срочное — передадут. Тебя подвезти куда-нибудь?

Подвезить меня было не надо. Я попрощался и не без некоторого облегчения вышел за дверь, провожаемый распевным напутствием из телевизора:

Порой не верится, друзья,
Но в жизни так бывает,
Порой не верится, друзья,
Но в жизни так бывает.

* * *

У метро «Парк Победы» я зашел в телефонную будку и набрал номер, подглядывая в записную книжку. Мне нужно было кое-что проверить, да и приятно шумевший в голове «Курвуазье» настраивал на игривый лад.

— Жвалов! — буркнуло в трубке.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — гаркнул я так, что в будке задребезжали стекла. — Капитан Адамов, уголовный розыск! Разрешите доложить?

— Докладывай! — рявкнул он.

— Согласно полученной оперативной информации, за квартирой дважды потерпевшего Рубинчика велось наблюдение посредством слежки из неопознанного транспортного средства! — взревел я, надсаживаясь, как на плацу. — Номерной знак государственной регистрации...

Пожилой мужчина в летней шляпе из светлой сетчатой ткани подошел было к будке, но шархнул и отошел, озираясь.

— Знаю! — заорал Жвалов в ответ. — Продолжайте работу!

И повесил трубку. Понятие сарказма было подполковнику контрразведки неведомо.

Я вышел, улыбаясь раскаленному солнцу. Пекарев не ошибся: за домом Бори действительно наблюдали сотрудники госбезопасности.

Человеку свойственно стремление к объяснению окружающего мира. Так уж устроен наш разум: он требует стройной системы, которая бы внятно и непротиворечиво разъяснила все обстоятельства жизни, сформировала представление о ее смысле, не упустила бы ни одной детали и ответила на все вопросы бытия. Нам нужна единая теория всего, и неважно, будет ли она научной, религиозной или вовсе мифологической. По большому счету нам даже не нужно ее понимать; достаточно быть уверенным в том, что есть книга, трактат, меморандум, где все изложено, и если будет к тому потребность, то достаточно открыть обложку, прочесть несколько строк и воскликнуть: «Ах, вот, оказывается, в чем тут дело!»

Однако следует избегать в решении кажущихся запутанными задач искушения уложить все, зачастую противоречивые, исходные в одну красивую схему. Мишка пукнул в лесу; сова ухнула; лиса съела зайчика. Если попытаться объединить все это единой историей, можно додуматься до генетически модифицированного медведя, испустившего вызывающие агрессию газы по сигналу совы, после чего подпавшая под их воздействие лиса напала на зайца, который должен был сове денег. Но, как правило, все оказывается ровно тем, чем кажется с первого взгляда: медведя пучит, сова — пустобрех, лисичка голодная, а зайчик — лопух.

Вокруг злосчастливого Рубинчика действительно происходило что-то странное, и разговор с Пекаревым только добавил неизвестных в это и без того иррациональное множество. Если общественные деньги стали добычей «вежливых людей», то зачем Боря вдруг начал лихорадочно искать способы выехать за границу, да еще и в такой неподходящий момент? Испугался, что его обвинят в воровстве? Или Пекарев все-таки нажал на него, запугивал, требовал вернуть деньги? Но целую неделю после налета Рубинчик оставался спокоен, а потом вдруг заметался как подстреленный. Если Боря действительно не устоял перед искушением присвоить

себе миллионы и списать их пропажу на банду разбойников, то куда разумнее было бы подождать, пока улягутся страсти, а потом, через полгода-год, спокойно уехать и начать новую жизнь в любой точке мира, а не бегать по городу в панике, привлекая внимание и порождая опасное недоумение. Фатальный приступ безумия и последующее самоубийство кое-как укладывались в версию оказанного давления или даже просто могли быть вызваны сильным испугом, но можно было бы ожидать такого развития событий сразу после налета, а не через десять дней, из которых неделю Боря не проявлял никаких видимых признаков беспокойства, а в последние три дня вдруг принялся искать возможность к побегу. Внимание со стороны госбезопасности, с одной стороны, было легко объяснимым при роде занятий покойного Бори, но оставалось неясным, откуда такой энтузиазм в желании знать обстоятельства последних дней его жизни и трагической смерти.

Факты не сочетались друг с другом, как грани в кубике Рубика, где стоит собрать сторону одного цвета — и другая тут же превращается в безнадежный хаос. В таких случаях полезно бывает начать с исходной точки, и я, больше повинувшись чутью, нежели логике, отправился с повторным визитом в «академический» дом.

По случаю жаркого дня многие окна, выходящие в длинный и узкий двор, были открыты, некоторые завешены влажными простынями, дававшими хоть какое-то чувство прохлады и защиту от вездесущего дыма; на паре балконов беспардонно сушилось белье, из окон неслись телевизионные голоса и звуки музыки, что все вместе придавало строгому «академическому» дому какой-то расслабленный южный колорит, столь же неуместный рядом с серыми, изрезанными дождями пилястрами и кариатидами, как легкомысленный купальный костюм на престарелом профессоре. Золотисто-желтый автомобиль Рубинчика все так же стоял на своем месте, как верный пес, не знающий еще, что хозяин ушел навсегда. Асфальт на том месте, где Борюсик завершил свой земной путь, тщательно вымыли, но, приглядевшись, еще можно было различить неприятного вида темное пятно.

Я вошел в тихий подъезд и поднялся на третий этаж, решив для начала нанести визит Ядвиге Ильичичне. На дребезжащие звонки в дверь никто не отозвался, даже Пополь не откликнулся лаем. Я поднялся этажом выше. Дверь в квартиру Рубинчика была опечатана бумажной лентой с синей казенной печатью. Из квартиры напротив слышалась музыка: Алла Борисовна Пугачева сетовала на ледяной нрав океанского айсберга. Я прислушался и нажал на кнопку звонка. За дверью мелодично пропел гонг. Я подождал немного и позвонил еще раз. Музыка стала чуть тише, мягко прошелестели шаги, и дверь открылась. На пороге стояла уже знакомая мне соседка Маша с бокалом, до половины заполненным рубиновой жидкостью, и в кое-как прихваченном поясом шелковым длинном халате, не скрывающем щедрых даров благосклонной природы. Из квартиры пахло хмельным и теплым.

— Здравствуйте, — сказал я. — Сергей дома? Я хотел с ним поговорить.

Маша смерила меня оценивающим взглядом из-под черной блестящей челки, сделала рукой с бокалом неопределенный жест и сообщила:

— А его нет.

Потом прищурилась, улыбнулась и добавила:

— Он в исполком поехал. Может, зайдешь?

Маша повела бедром. Надо отдать должное, толк в движении бедрами она понимала.

— Нет уж, спасибо. Как-нибудь в другой раз. — И я зашагал по лестнице выше, думая, что Ядвига Ильичична была слишком оптимистична, когда говорила о Серафиме Лепешинской как о единственном позоре приличного дома.

— Он только через два часа вернется! — крикнула Маша мне вслед, потом что-то проворчала разочарованно и с лязгом захлопнула дверь.

В квартиру Льва Львовича я позвонил уже без особой надежды, но на этот раз мне повезло: хозяин был дома и встретил меня, заспанно щурясь и дыша вчерашним спиртным. Я представился, потом напомнил, что нам уже приходилось встречаться, и еще с минуту ждал, пока Лев Львович очнется настолько, чтобы осознать полученную информацию.

— А! — сказал наконец он и отступил на шаг в коридор. — Входите. Только давайте пройдем на кухню, у меня в комнатах некоторый беспорядок.

Глядя на Льва Львовича, в это легко верилось.

Мы прошли в большую, но уютную кухню. В ней чувствовалась заботливая женская рука, которая, впрочем, уже некоторое время не касалась своих владений: герань и фиалки на подоконнике не мешало бы полить, нарядная клеенка на столе была покрыта неопрятными липкими пятнами, в глубокой раковине, вмонтированной в светлого дерева кухонный гарнитур, скопилась посуда с присохшими остатками пищи. Форточка была закрыта, и воздух пропитали запахи перегара и не вынесенного вовремя мусорного ведра. В тишине громко тикали ходики с кукушкой и гирьками.

Лев Львович кое-как нацепил очки, сел напротив меня за стол, слегка покачнувшись на скрипнувшем стуле, и произнес извиняющимся тоном:

— Вы простите меня, я в отпуске. Уже вторую неделю. Супруга с сыном на даче, у нас домик под Гатчиной, а я вот тут, на холостяцком, так сказать, положении.

— Выглядите отдохнувшим, — заметил я.

Он смущенно засмеялся и поправил очки.

— Ну, это я так, для расширения сосудов. Знаете, у меня такой стресс на работе весь год: подготовка проектов, приемные комиссии, между смежниками эта вечная грызня — хочется просто провести время в покое и одиночестве. Крепкий сон, книги, телевизор... Вы меня понимаете?

Я заверил, что да.

— Лев Львович, я по поводу смерти Бориса Рубинчика. Хочу кое-что уточнить в обстоятельствах той ночи.

Он как-то дернулся, обеспокоенно посмотрел вниз и в сторону и спросил:

— А что же еще уточнить? Я уже все рассказал.

Я откинулся на спинку стула, проницательно прищурился, постукал пальцами по столу и веско сказал:

— Не все, Лев Львович. Не все.

— На что это вы намекаете? — попытался возмутиться он, но вышло не очень. Уверен, что у себя в «Турбостроителе»

и на пике формы возмущение у Льва Львовича могло бы получиться что надо, но сейчас я застал его похмельным утром, едва очнувшегося ото сна, во вчерашней майке и кое-как натянутых тренировочных брюках, и поэтому уверенно продолжал:

— Не упрямитесь, вы же серьезный, взрослый мужчина. Я только что был у вашего соседа снизу. Он мне все рассказал.

— Так, значит, Сережа тоже видел!.. — воскликнул Лев Львович, посмотрел на меня, осекся и сник.

— Ну что же вы, — подбодрил я. — Смелее! Что мог видеть Сережа?

— Как ребенка, ей-богу, — махнул он рукой. — Я могу чайник поставить?

Как известно, когда грохот в квартире Рубинчика оборвался треском и звоном выбитого окна, а со двора донесся испуганный крик и соседи устремились по лестнице вниз, Лев Львович остался стоять перед дверью.

— Сам не помню зачем, — признался он. — Может, решил, что раз не заперто, нужно присмотреть за квартирой.

И тут дверь широко распахнулась. На пороге стояли мужчина и женщина.

— Я большего страха в жизни своей не испытывал. Если бы оттуда какой-нибудь громила выскочил с топором в руке или бандиты в масках, и то не было бы так страшно. А тут, после всего этого жуткого громухания, вдруг совершенно обыкновенные люди, приятные даже. Это было так странно, так неправильно, что у меня в прямом смысле мороз по коже пошел.

— Как они выглядели?

Лев Львович задумался.

— Женщина такая, на артистку похожа. Высокая, статная. Красивая очень. Платье, можно сказать, нарядное, кажется, бордового цвета. Бусы крупные, яркие, я на них внимание обратил. В общем, эффектная дама.

— А мужчина?

— А он, знаете ли, типичный американец.

— Это значит какой?

— Ну вот, понимаете... — Лев Львович пошевелил скрюченными пальцами, как будто ощупывая себе лицо, — иностранец,

одним словом. Тоже рослый, можно сказать, крупный. Мужественный такой. В клетчатой рубашке.

Со двора доносились крики и гомон. Лев Львович стоял неподвижно и таращился на незнакомцев. Женщина вдруг улыбнулась и подмигнула ему, чем привела в еще больший ужас, если только это было возможно. Мужчина посмотрел на часы — у него большие, массивные часы были на запястье, — кажется, подвел стрелки, а потом они молча повернулись и стали спускаться по лестнице.

— Я инстинктивно пустился за ними следом. Не знаю, что я хотел сделать — догнать, задержать... Они меня опередили на пару лестничных маршей, свернули за угол — и тут смотрю, мне навстречу мчится Сережа, запыхался весь и пробежал мимо меня наверх. Я бегом вниз — никого. Выскочил во двор, осмотрелся — только наши вокруг, а этих двоих и след простыл. Все.

Он замолчал.

— Почему сразу не сообщили?

Лев Львович развел руками.

— А что сообщить? Никто, кроме меня, их не видел. Да я и сам не уверен, видел кого-нибудь или нет. Я же отдыхаю уже две недели, вот и подумал... ну, мало ли... примерещилось.

— Ладно. Есть бумага и ручка?

Он встал, вышел из кухни и вернулся с форматным листом бумаги и остро заточенным карандашом.

— Вот.

Я написал несколько слов и цифр, отдал ему листок и сказал:

— Завтра жду вас с утра у себя в управлении. Здесь время, адрес и телефон. Пропуск будет на проходной. И постарайтесь сегодня не слишком сильно отдыхать.

Лев Львович понуро смотрел на лист бумаги, который заметно дрожал у него в руке. Потом вздохнул и обреченно спросил:

— Меня теперь привлекут?

— За что же? — удивился я.

— Ну, за то, что не сообщил... не просигнализировал...

— Бросьте, Лев Львович, что за глупости! Честно говоря, на вашем месте мало кто рассказал бы о случившемся, — ве-

ликодушно успокоил я. — Просто показания зафиксируем под протокол, а потом фоторобот составим этих ваших «артистки» и «американца». Ну и альбомы с фотокарточками посмотрите, вдруг узнаете их. Кстати, не в курсе, где Ядвига Ильинична? Я к ней заходил, а ее дома нет.

Приободрившийся Лев Львович взглянул на часы и ответил:

— Так она в это время с собачкой гуляет. У нее пуделек, маленький такой. В саду Дзержинского, тут, рядом.

Я поблагодарил и ушел, на прощание еще раз убедительно попросив выйти из отпуска хотя бы на один завтрашний день. Он пообещал, но без особой уверенности в голосе.

В саду Дзержинского среди живописных старых деревьев и очаровательных ландшафтов из заросших кувшинками узких проток прохаживались по дорожкам молодые мамы с колясками и бабушки присматривали за внуками, возившимися в мокром песке у пруда и ковырявшими прутьями тину. На маленьком изогнутом мостике с ажурными перилами стояла, обнявшись, молодая пара и смотрела в счастливое будущее. У старинной деревянной купеческой дачи в глубине сада старушки бросали хлебный мякиш сизым голубям и отважным взъерошенным воробьям. На лавочке у памятника железному основателю ВЧК расположились за шахматами двое пенсионеров, поблизости маялся мальчик лет шести, катал на веревочке большой пластмассовый самосвал и поглядывал на увлеченного шахматами деда.

Ядвигу Ильиничну я увидел издалека: она стояла у поста-мента, сама похожая на строгое изваяние в черных одеждах, а по зеленым газонам вокруг носился стремительными кругами маленький персиковый пудель, распугивая недоумевающих голубей. Я подошел ближе. Песик заметил меня и стрелой устремился навстречу. Ядвига Ильинична проследила за пуделем взглядом и тоже увидела меня. Я улыбнулся и помахал рукой. Она беспокойно задвигалась и возгласила:

— Пополь! Пополь!

Пудель подбежал ко мне и заплясал рядом, раскрыв пасть в восторженной собачьей улыбке, вывалив язык и напрыгивая перепачканными лапами на штанины.

— Пополь! Отойди от милиционера, мы уходим!

Я подхватил песика одной рукой и не спеша направился к Ядви́ге Ильиничне. Она нервно переминалась с ноги на ногу и стискивала в руках поводок. Ополумевший от восторга пудель изворачивался и пытался лизнуть меня в нос.

— Здравствуйте, Ядви́га Ильинична! Куда это вы так заспешили?

— И вам не хворать. У нас закончилось время прогулки, а у Попо́ля — режим. Ему пора обедать и спать.

Она защелкнула карабин поводка и опустила песика на землю. Он немедленно запрыгал вокруг, крутанулся, оплел поводком ноги хозяйке и запутался сам.

— Ах, да перестань же егозить, несносное создание! — Ядви́га Ильинична с трудом присела, насколько позволяли возраст, юбка и собственное достоинство, и принялась высвобождать себя и Попо́ля из пут. Я решил воспользоваться моментом и тоже опустился рядом на корточки.

— Ядви́га Ильинична, — начал я с мягкой укоризной, — а что же вы не рассказали, что видели в доме посторонних?

— Каких еще посторонних? — раздраженно спросила она, совладала наконец с поводком и поднялась. — Единственными посторонними в нашем доме в ночь смерти Бори были милиционеры, уж простите меня за прямоту. И я все еще тогда рассказала, причем неоднократно, и вам — в том числе.

— Значит, добавить вам нечего? — произнес я профессиональным задумчивым тоном, словно мысленно определяясь со статьей Уголовного кодекса, по которой непременно привлеку вздумавшего упрямитесь свидетеля.

— Абсолютно нет.

— А вот сосед ваш, Лев Львович, кое-что все-таки вспомнил.

— Господи, нашли кого слушать! Леве скоро будет трудно вспомнить, как его звать. Если у вас ко мне все, мы пойдем. Пополь хочет домой.

Песик действительно натягивал поводок, скреб лапами землю, азартно хрипел и упирался, как единственный в связке бурлак, пытающийся сдвинуть с места груженую баржу.

— Давайте я вас провожу, мне все равно в сторону метро.

— Извольте, — недружелюбно согласилась Ядвига Ильинична, и мы тронулись в путь, держась друг от друга на неприязненном расстоянии, как поссорившиеся супруги.

— Послушайте, — я не сдавался, — речь идет о лицах, подозреваемых в совершении тяжкого преступления и, возможно, причастных к смерти Бориса Рубинчика. Вы уверены, что ничего не хотите мне сообщить?

— Боже мой, вы об этом! — воскликнула Ядвига Ильинична. — Так я уже все сообщила куда следует.

— Куда же?

— В Комитет государственной безопасности, — веско ответила Ядвига Ильинична.

Это был неожиданный поворот.

— Что вы им сообщили? — спросил я, чувствуя, как глупо прозвучал мой вопрос.

— Это невыносимо! Вы с ума меня хотите свести? О лицах, подозреваемых и причастных, как вы сообразовали выразиться. Вот о ком!

И Ядвига Ильинична сердито ткнула пальцем в газетный стенд на стене, где красовалась комитетская ориентировка: фотография исчезнувшего ученого Саввы Ильинского и фоторобот молодой девушки с распахнутыми по-детски глазами.

— Вы видели их двоих? — быстро спросил я.

— Нет, только ее. Бледная рыжая худосочная девица. Я с ней на лестнице буквально столкнулась, в прошлый четверг. Выходила с Пополем на вечернюю прогулку, в начале девятого, чтобы успеть вернуться к программе «Время», а она мялась у Бориной двери. Не поздоровалась, кстати, только зыркнула так, настороженно. Потом дверь открылась, она туда юркнула — и все.

— И вы ее сразу узнали?

— У меня феноменальная память на лица, — сообщила Ядвига Ильинична. — Да тут и запоминать нечего, если на всех углах расклеены листовки и по телевидению их показывают чаще, чем членов Политбюро. Разумеется, едва мы с Пополем вернулись домой, я позвонила — не по 02, а по другому телефону, длинному. Там ответили: «Комитет государственной безопасности, оперативный дежурный» — так я и поняла, кто

их разыскивает. Ко мне потом и сотрудники приезжали, вежливые, внимательные, хорошо одетые, между прочим.

Она бросила колючий взгляд на мою клетчатую рубашку и выдавшие виды отечественные джинсы.

— Больше вы ее здесь не встречали?

— Нет. Кстати, если это не государственная тайна, кого Лева якобы видел в ночь гибели Бори?

— Он утверждает, что, когда все спустились во двор, из квартиры Рубинчика вышли двое, мужчина и женщина.

— С хвостом и рогами? — ядовито осведомилась Ядвига Ильинична.

— Нет, вполне приятной гражданской наружности.

— И куда же они подевались?

— Спустились по лестнице и исчезли.

Она фыркнула:

— Ну, все понятно. И вы, стало быть, хотели поинтересоваться, не наблюдала ли я пьяных галлюцинаций Льва Львовича?

Я виновато развел руками.

— Получается, что так.

Ядвига Ильинична искоса посмотрела на меня, потом чуть улыбнулась, а потом вдруг рассмеялась неожиданно молодо и задорно. Я подумал, что лет тридцать назад она способна была влюбить в себя без памяти кого угодно.

Мы подошли ко входу во двор и остановились. Ядвига Ильинична взглянула на осиротевшую «шестерку» и покачала головой.

— А я знала, что все так и закончится. Вся эта красивая жизнь нувориша, сомнительные знакомства, странные вылазки по ночам... Да, кстати, вспомнила, может, это будет вам важно. Боря в последние две ночи перед кончиной к кому-то ходил.

— Именно ходил? Не ездил?

— Довольно странно пользоваться автомобилем, когда идешь в соседнюю парадную. Я в последнее время взяла себе привычку ложиться спать довольно поздно, иногда даже за полночь. Наверное, это возраст, не знаю. У меня весьма приличная библиотека, я выбираю какую-нибудь книжку из не-

прочитанных, иду в кабинет покойного мужа, включаю лампу и читаю за его рабочим столом. Пополь спит, кругом ночь, тишина. В тишине хорошо и читать, и думать. И вот буквально в пятницу, на следующий день, как я видела здесь эту девицу с плаката, слышу — этажом выше хлопнула дверь. Потом шаги, кто-то спускается мимо моей квартиры. На часах полночь. Я подошла к окну — в кабинете окна как раз выходят во двор, посмотрела: вышел Боря, остановился под фонарем, потоптался, а потом так крадучись, вдоль стены, аки тать в ночи, тихонько идет налево и заходит в соседнюю парадную. Мне, как вы понимаете, стало любопытно. Если бы он направо пошел, я бы могла подумать, что он таки сговорился с Серафимой, про нее давно уже ходят такие слухи. Но Серафима в первой парадной живет, а Боря зашел в третью, а к кому он мог там пойти среди ночи? Не к Марфе же Игнатьевне. Я осторожно так из-за портьеры стала смотреть, не загорится ли где-нибудь свет. Но нет, в окнах темно. Думаю, если бы он даже в прихожую к кому-то зашел, я бы увидела отсвет. Хотела было дожждаться, когда он обратно вернется, но до часу ночи Боря оттуда не вышел, а потом я уже легла спать. Но так интересно стало, я даже весь день думала: ну к кому мог Боря навещаться? И зачем? С вечера уселась у окна в кабинете и стала ждать. И что бы вы думали? Ровно в полночь Рубинчик таким же манером вышел — и туда же, в третью парадную. Я решила, что, если еще раз туда же отправится, я за ним прослежу.

— Вы отважная женщина, Ядвига Ильинична.

— Ах, оставьте, — отмахнулась она. — Чего мне бояться? Но в третью ночь Боря никуда не пошел. Я ждала, ждала его у окошка, как Аленушка, до половины первого, а потом пошла спать. Ну, а под утро проснулась от грохота...

Ее темные глаза чуть затуманились, черты постаревшей античной богини немного смягчились, как будто потеплел мрамор. Она и сама, вероятно, почувствовала, что вдруг дала слабину: вздрогнула, приосанилась и холодно произнесла:

— Прощайте. Надеюсь, я ответила на все ваши вопросы, и даже более того.

— Спасибо большое, Ядвига Ильинична, — искренне сказал я. — Вы очень помогли.

Она молча кивнула и вошла в парадную, таща за собой на поводке присмирившего пуделя.

Из открытого окна четвертого этажа звонкий итальянский дуэт пел песню о счастье. Маша высунулась во двор, осмотрелась, увидела меня и быстро нырнула обратно. Я подошел к соседней парадной и потянул на себя тяжелую створку двери. Внутри было пусто и тихо. Лестница уходила наверх, но, в отличие от парадной Бори Рубинчика, здесь имелся и второй выход: в конце короткого полутемного коридора виднелась простая деревянная дверь. Я открыл ее и оказался в узком, как галстук стилиаги, переулке между домами. Напротив в приземистом желтом доме темнела низкая арка. Слева переулок заканчивался тупиком, справа шумел оживленный Кировский проспект. Я вошел в арку и попал в широкий квадратный двор, окруженный чумазыми стенами. Тут жили люди попроще, чем в «академическом доме»: в разгар рабочего дня окна были закрыты, мелодии и ритмы зарубежной эстрады не нарушали застоявшейся тишины, неподвижный воздух наполняли запахи тушеной капусты и острая вонь от прокисших помойных баков. По замусоренному потрескавшемуся асфальту праздно слонялись похожие на шпану облезлые голуби. Я немного покружил по дворам, стараясь держать направление в сторону метро, миновал желтый облупленный флигель с приоткрытой разошедшейся дверью, за которой в пыльном сумраке виднелись старые метлы, повернул направо и вышел на проспект. «Академический» дом остался далеко позади. Почти напротив меня серым памятником конструктивизму высился Дом культуры им. Ленсовета, а слева, не доходя до метро и Дома мод, располагалась стоянка такси. Сейчас машин там не было, и под круглым знаком с большой синей буквой «Т» топтался высокий сутулый гражданин в желтой рубашке и с портфелем в руке, поглядывая на часы и не теряя надежды.

Ядвига Ильинична, наверное, обладала глубокими знаниями в области человеческих страстей и пороков, но в случае с Рубинчиком не владела всеми обстоятельствами дела, поэтому напрасно ждала, что где-то в окнах соседней парадной вспыхнет свет. Если Боря и навещался к кому-то в гости, то уж точно не по соседству. Простой и изящный маневр по-

зволил ему уйти от наблюдения и пекаревских спортсменов, и даже сотрудников госбезопасности. Единственным способом передвижения по городу за полночь было такси, и я не сомневался, что именно им Рубинчик и пользовался.

Надо будет наведаться на эту стоянку попозже вечером, когда таксисты, эти хищники ночи, покинут дневные убежища.

* * *

Утром следующего дня в курилке Игорь Пукконен из второго отдела сказал мне, что в возбуждении уголовного дела по факту смерти Рубинчика было отказано. Результаты проведенной экспертизы однозначно указывали на самоубийство. С учетом предшествующих и сопутствующих обстоятельств, по факту доведения до самоубийства дело тоже решили не заводить. Игорь воспринял эти новости с видимым облегчением, и я его понимал.

Я вернулся в кабинет и набрал номер Леночки Смерть.

— Привет, Адамов! Что, уже победили преступность?

— Нет, Лена, пока еще боремся. Смежники подводят.

— Ну вот, а я уж думала, что дождалась. Видно, так и помру раньше, чем ты меня в кино позовешь. Чего позвонил тогда?

— Ты в курсе, что по Рубинчику отказали в возбуждении дела?

— Ну да.

— Вот я и подумал, может, встретимся у Левина в морге, поболтаем, расскажете мне все поподробнее. Ты же приглашала как-нибудь вечером заехать.

— Коварный мужик ты, Адамов. Я тебя когда приглашала? Еще в понедельник, а ты проигнорировал. А теперь, когда понадобилось, вспомнил про Лену, да? Я, если хочешь знать, сегодня к Левину и не собиралась, у меня тут и своих дел по горло.

Я виновато молчал.

— Ладно, — сказала Лена. — В обед подъезжай, сможешь? Я постараюсь вырваться. Если не выйдет, с Генрихом Осиповичем без меня пообщаешься.

— Леночка, без тебя он даст мне свое заключение почитать и больше ни слова не скажет.

— Как знать. Ты его недооцениваешь. Мы же тебя не просто так звали, лясы за чашкой чая поточить. Хорошо, давай в два часа в судебно-медицинском бюро. Только не опаздывай.

Я пообещал.

Лев Львович тоже явился без опозданий, даже на пятнадцать минут раньше: умытый, бледный и немного растерянный, как человек, впервые за долгое время вдруг оказавшийся трезвым и подзабывший, как на самом деле выглядит этот мир. На нем был старомодный летний костюм и вязаный галстук. Мы оформили свидетельские показания, постаравшись деликатно обойти необъяснимое исчезновение подозрительных лиц и обстоятельства отпуска Льва Львовича. Потом он долго и уныло рассматривал казенные синие альбомы с фотокарточками подозреваемых, как скучающий пионер, пришедший в гости к школьной подруге и вынужденный составлять компанию ее бабушке за жидким чаем и просмотром семейных архивов.

— Никого не узнали?

Он покачал головой.

— Одна женщина похожа вроде на нашего главбуха, Ирину Петровну, но та, что на фотографии, посимпатичнее.

Я не особо рассчитывал на иной результат, поэтому сдал альбомы в архив, отвел Льва Львовича в информационно-аналитический отдел на первом этаже и наказал быть внимательным и не торопиться.

— Спешка нам ни к чему. Постарайтесь добиться максимального сходства, это чрезвычайно важно.

Напутствовав его таким образом, я взял потрепанную боевую «копейку» своего отдела и поехал на Пискаревку.

Машина стояла полдня на солнечной стороне улицы, и внутри можно было бы с успехом запечь карася. Я открыл все окна, но снаружи в салон лезли только асфальтовый жар, душная пыль и выхлопные газы автобусов и грузовиков. Через четверть часа, что заняла у меня дорога до Бюро судебно-медицинской экспертизы, я пропотел, прожарился, прокоптился и запылится вдобавок, будто ехал не в машине по городу, а верхом гнал стадо мустангов по выжженной прерии.

Достойная пара почтенных экспертов поджидала меня неподалеку от входа в бюро, с удобством расположившись под сенью деревьев, высаженных по краю круглой площадки с аляповатой чашей пересохшего фонтана посередине. Генрих Осипович был светел и свеж, облачен в распахнутый белый халат, безупречную кремовую рубашку и, назло погоде и моде, коричневый галстук-бабочку. Он сидел на скамейке-качелях под пластиковым козырьком и курил прямую короткую трубку. Леночка устроилась рядом, скрестив и вытянув длинные тонкие ноги, бледные настолько, что отливали какой-то мертвенной синевой. На ней было короткое темное платье с белым отложным воротничком и манжетами, что в сочетании с длинными черными волосами и худым остроносым лицом делало ее похожей на обитательницу местного морга, которую временно вернул к жизни и вывел из холодных подземных глубин на прогулку сидящий рядом эксцентричный ученый.

Работа судебно-медицинского эксперта и криминалиста предполагает тесное взаимодействие, но Леночка с Левиным общались больше и чаще, чем это обуславливали их служебные обязанности, что давало некоторым досужим умам основания для предположений интимного свойства. Я этих предположений не разделял; на мой взгляд, это была дружба двух увлеченных профессионалов, которые нашли много общего и как специалисты, и как люди. Может быть, Левин отчасти видел в Леночке себя такого, каким был сам много лет назад: азартного, увлеченного и готового с ходу набросать несколько версий, объясняющих самые диковинные картины на местах преступлений. Жизненный опыт научил его сдержанности; наверное, это была горькая наука, основами которой стало отвечать только на заданные вопросы и излагать исключительно подтвержденные исследованиями факты, умалчивая о странностях и несостыковках. Леночка Смерть, напротив, молчать не умела, на сомнительные нюансы дела, могущие порушить стройную версию следствия, указывала с удовольствием, особенно если ее об этом не спрашивали; она была негативом Левина, его зеркальным двойником, и вместе они составляли дуэт, столь же по-своему гармоничный, сколь и эффективный.

А может, и было в их отношениях что-то личное, я не знаю. Никогда не умел этого замечать. Трудно ожидать пронизательности в подобных вопросах от человека, невеста которого полгода встречалась с товароведом.

– Привет, Адамов! – Леночка махнула рукой и прищурилась. – Как доехал?

– Отлично. Есть свободные места в морозильнике?

– Здравствуйте, Витя, – отозвался Левин. – Не торопитесь, мы все там будем, и, уверяю вас, без опозданий к назначенному сроку. Давайте лучше тут посидим. Здесь тень и относительно свежий воздух.

Леночка подвинулась, и я уселся между ними; лавка качнулась на чуть скрипнувших цепях.

– Вот, Генрих Осипович, – начала Лена как-то нарочито громко, как если бы представляла дальнего родственника глуховатому деду, – Витя приехал поговорить с вами о деле Рубинчика.

Левин выпустил из трубки клуб дыма, которому позавидовал бы паровоз, подумал немного и монотонно заговорил:

– Следствие поставило перед экспертами ряд вопросов, на которые были даны ответы в рамках проведенного патологоанатомического исследования. Из них основные: причина и время смерти. Вкратце ответ таков: смерть наступила между 3.45 и 4.45 утра в результате травм, полученных от падения с высоты, в частности открытой черепно-мозговой травмы с фрагментарным раздроблением костей черепа и компрессионного перелома шейных позвонков, с первого по третий, с повреждением спинного мозга. Следующий вопрос: происхождение зафиксированных сопутствующих телесных повреждений. Ответ: множественные раны кистей рук, а также раны мягких тканей головы возникли в результате порезов о стекло и ударов о твердые поверхности, предположительно предметы мебели, находившиеся на месте происшествия.

– Помнишь, я сразу сказала, что Рубинчик в застекленный сервант несколько раз головой въехал, – встряла Леночка.

– Далее, – спокойно продолжил Генрих Осипович, – на вопрос о том, могли ли колото-резаные раны поверх-

ности грудной клетки, живота и глазниц быть нанесены обнаруженным на месте происшествия и переданным для исследования кухонным ножом, экспертиза ответила однозначно утвердительно. Повреждений, нанесенных другим колющим или режущим предметом, на теле не выявлено. И последнее: мог ли потерпевший самостоятельно нанести себе упомянутые телесные повреждения? Ответ: да, мог. Характерные особенности ран, их глубина, угол нанесения позволяют предположить это с высокой степенью достоверности.

— Значит, самоубийство?

Генрих Осипович пожевал мундштук трубки, подумал и кивнул:

— Несомненно.

— Способ, я бы сказал, несколько экстравагантный.

Левин кивнул.

— Согласен, но мне приходилось видеть и не такое. Помню, в 1978-м топором себя зарубил человек: поднял над головой и несколько раз ударил по темени нижним заостренным краем лезвия, можете себе представить? Будто клювом долбил, пока не пробил череп. Или в 1980-м, как раз Олимпиада была, летом: самоубийство двумя ударами ножа в сердце. Звучит, как недобрый какой-то анекдот, но ведь было: при остановке сердца человек не умирает мгновенно, проходит от десяти до двадцати секунд, прежде чем мозг отключает сознание из-за недостатка притока крови, и еще несколько минут, пока изменения не станут необратимыми. Но картина в обоих случаях, как вы понимаете, на первый взгляд была однозначной: вот труп с множественными рублеными ранами черепа и окровавленный топор рядом, а вот пожалуйста, сидит в кресле, весь белый, рукоятка финки торчит из груди, и рядом еще одна проникающая рана в межреберье. А то, что мы на Кировском проспекте увидели, очень похоже на острое биполярное расстройство. В посмертной психиатрической экспертизе нам отказали, но, на мой дилетантский взгляд, там словно две личности боролись, причем одинаково обезумевшие: одна заставляла несчастного Рубинчика крушить голыми руками свое жилище и биться голо-

вой в шкафы и стены, а другая пыталась все это прекратить: сначала ножом заколоться — на груди очень характерные для неуверенных попыток самоубийства ранения, — потом, вероятно, достать через глаза до мозга, ну а потом просто выпрыгнуть из окна вперед головой.

— Боря никогда психопатом не был, — заметил я.

— Если человек находится в состоянии стресса или невроза, то спровоцировать острое психотическое состояние может любой раздражитель. Хотя бы даже и алкоголь, он же как раз выпивал тогда.

Левин замолчал, сопя трубкой. Повисла странная пауза. Не затем ведь они меня приглашали, чтобы послушать художественное чтение краткого содержания экспертизы? Я пожал плечами и спросил:

— Лена, а что у тебя?

— Ничего, что могло бы однозначно указывать на убийство. Кровь везде только Рубинчика. В квартире такой разгром, что выделить в нем какие-то посторонние включения довольно сложно. Отпечатков полно, в основном, конечно, покойного Бори, но и других тоже достаточно, что совершенно нормально: у него бывали гости, и кое-кто из них, кстати, оставил несколько женских волос разной длины и цвета, которые я нашла на полу у зеркала в спальне и в ванной. Дверная ручка захватана, но еще до моего приезда за нее кто только не брался. На стакане и бутылке с коньяком отпечатки пальцев только хозяина, никто больше к этим предметам не притрагивался. В общем, если бы мы понимали, что это убийство, можно было бы попробовать за что-нибудь зацепиться: все отпечатки проверить, волосы по всей квартире аккуратно собрать, чтобы сформировать банк улик, когда злодеев поймают. Но у нас однозначное заключение о характере повреждений и нет ничего, что так же однозначно свидетельствовало бы о присутствии в ту ночь посторонних. Ну... кроме нетронутого угла в комнате. И моей личной в этом глубокой уверенности.

— Есть новые свидетельские показания, — сообщил я и рассказал о разговоре со Львом Львовичем.

Леночка захлопала в ладоши и торжествующе закричала: